

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
“ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ”

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
“КАФЕДРА ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ
И ДРУГИМ ПРАВАМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ”

**ТРУДЫ
ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ**

**№ 1 (том XXIV)
2016**

Москва

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

Организация
Объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

The UNESCO Chair on copyright
and other intellectual property rights
Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву
и другим правам интеллектуальной собственности

Главный редактор

М. А. Федотов (Советник Президента Российской Федерации, Председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, директор Научно-методического центра “Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности”, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации)

Редакционный совет:

Ю. М. Батурин (член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор), И. Л. Бачило (доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации), И. А. Близнец (доктор юридических наук, профессор), М. М. Богуславский (доктор юридических наук, профессор), Ю. Л. Бошицкий (кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Украины), Э. П. Гаврилов (доктор юридических наук, профессор), М. А. Краснов (доктор юридических наук, профессор), А. Н. Козырев (доктор экономических наук, профессор), В. В. Орлова (доктор юридических наук, профессор), М. И. Пастухов (доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь), С. В. Потапенко (доктор юридических наук, профессор), И. М. Рассолов (доктор юридических наук, профессор), А. П. Сергеев (доктор юридических наук, профессор), Л. С. Симкин (доктор юридических наук, профессор), В. Н. Синельникова (доктор юридических наук, профессор), А. А. Тедеев (доктор юридических наук, профессор), И. Г. Шаблинский (доктор юридических наук, профессор), С. К. Шайхитдинова (доктор философских наук, профессор)

**ТРУДЫ
ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ**

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
КАФЕДРЫ ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ
И ДРУГИМ ПРАВАМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

**№ 1 (том XXIV)
2016**

Москва

Научный журнал “Труды по интеллектуальной собственности”
зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-45963
от 15 июля 2011 г. ISSN 2225-3475.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук,
вступивший в силу с 1 декабря 2015 года

Учредитель и издатель:

АНО “Творческий Центр ЮНЕСКО”, г. Москва

Адрес редакции:

117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А, каб. 112.

Тел. +7-499-238-31-39

www.unescochair.ru

unesco.chair.copyright@mtu-net.ru

Адрес для корреспонденции:

123022, г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3,

каб. 436, Кафедра ЮНЕСКО

Издается с 1999 г. (бюллетень “Труды по интеллектуальной
собственности” зарегистрирован Госкомпечати России 28 мая 1999 г.,
свидетельство № 018878). Журнал посвящен актуальным
проблемам авторского права, информационного права,
прав интеллектуальной собственности. Плата за публикацию
материалов в журнале не взимается ни в какой форме.
Все представленные материалы в обязательном порядке
проходят научное рецензирование. Перепечатка статей
без согласия правообладателей запрещена
в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ.

При подготовке журнала использована система «КонсультантПлюс»

Подписные индексы:

Объединенный каталог “Пресса России” - 11287

© Составление.

Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и
другим правам интеллектуальной собственности, 2016.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Юридические науки

ПРАВО, ИНФОРМАЦИЯ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Монахов В. Н. Свобода массовой информации в глобальном информационном обществе. Некоторые особенности реализации и регулирования 5

Ренкель А. Ф. Инновационный эффект плацебо 49

Довнар Н. Н. Безопасное функционирование СМИ в контексте международной информационной безопасности 63

Грищенко М. И. Применение процедуры медиации при рассмотрении споров по вопросам объектов интеллектуальных прав. Гражданско-правовые и криминалистические аспекты 86

ДОКТРИНА ПРАВА

Милинчук Д. С. «Быть или не быть» коллизионному методу правового регулирования? 104

Тедеев А. А. Трансформация системы права в условиях развития информационно-коммуникационных технологий: постановка проблемы 123

ПРАВО И СРЕДА

Кривоносова О. Ю. Совершенствование правового регулирования охраны редких и исчезающих видов животных на примере амурского тигра (международное и российское законодательство) 141

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ** 160

CONTENTS

Legal sciences

RIGHT, INFORMATION AND NEW TECHNOLOGIES

- Monakhov V. N.* Freedom of mass information in the global information society. Some features of implementation and regulation 5
- Renkel A. F.* Innovation placebo effect 49
- Dovnar N. N.* Safe operation of media in the international informational security 63
- Grishchenko M. I.* Application of the mediation procedure in the consideration of disputes on issues of intellectual property rights. Civil-law and forensic aspects 86

DOCTRINE OF LAW

- Milinchuk D. S.* Collision method of legal regulation: “to be or not to be”? 104
- Tedeev A. A.* Transformation of the system of law in conditions of development information and communication technologies: problem statement 123

LAW AND MEDIA

- Krivososova O. Y.* Improvement of legal regulation of rare protection and the disappearing species of animals on the example of the amur tiger (international and Russian legislation) 141

ABOUT THE AUTHORS, ABSTRACT AND KEYWORDS IN ENGLISH 160

ПРАВО, ИНФОРМАЦИЯ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

В. Н. МОНАХОВ

Институт государства и права Российской академии наук, старший научный сотрудник сектора информационного права; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор Научно-методического центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности», кандидат юридических наук, доцент (119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; тел.: (495) 691-88-16)

СВОБОДА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

Ключевые слова: свобода массовой информации; свобода информации; глобальное информационное общество; право; этика; регулирование; ограничения; ответственность

Аннотация. В статье раскрывается понятие, социальная роль и значение одной из самых значимых свобод формирующегося глобального информационного общества XXI века – свободы массовой

---

¹ Статья подготовлена с использованием справочной правовой системы «Консультант Плюс 3000».

информации. Анализируется ряд вопросов и проблем, возникающих в ходе развития этико-правовой защиты этой свободы. Автор формулирует и обосновывает предложения, содержащие соответствующие информационно-правовые доктринальные и законодательные новации, призванные адекватно ответить на вызовы глобального информационного общества.

Историко-технологические пролегомены

Накопленный до настоящего времени человечеством опыт его информационно-коммуникативного развития с некоторой долей условности можно подразделить на следующие три цикла. Содержание и историческую границу первого из них определило возникновение **устной речи**. Появление **письменности** второго.

Рождение галактики Гутенберга – **книгопечатание** – явилось зримым рубежом начала третьего. Так что растущая на наших глазах, что называется «не по дням, а по часам» информационно-коммуникационная волна, несущая в себе элементы новой *интернет-галактики*, отнюдь не первая в истории человечества и, будем надеяться, не последняя. **Интернетизация** – четвертый (в этом смысловом ряду) всемирный информационно-коммуникационный цикл, формирует глобальное электронно-цифровое общество¹.

В роли первичных документов, закрепляющих базовые основы международно-правового оформ-

---

¹ См. об этом: *Танскотт Д.* Электронно-цифровое общество. Издательство Рефл-бук, 1999.

ления такого общества вполне могут выступать, с одной стороны, Окинавская хартия глобального информационного общества 2000 г., в которой *всеобщий свободный доступ для всех и взаимообмен информацией и знаниями* сформулирован в качестве несущей идеологической конструкции данного документа и первой стимулирующей развитие человека демократической ценности, на базе которых зиждется *устойчивость* глобального информационного общества¹ и, с другой стороны, Хартией открытых данных, принятой на саммите G8 в июне 2013 г.²

Положения обоих этих документов своей целевой установкой имеют создание и развитие надлежащих технологических, экономических, правовых и политических институтов и институций, стимулирующих формирование на планете более сильных национальных и иных сообществ, которые лучше *коммуницируют, взаимодействуют* между собой в процессе более эффективного удовлетворения разнообразных потребностей населения планеты и создания благоприятных условий для инноваций и процветания.

Разумеется, в реальных условиях противоречивого мирового развития нельзя исключать того, что в определенных случаях в формате мирового социума, возможно применение согласованных

---

¹ Окинавская хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. № 8.

² Текст Хартии на русском языке доступен на сайте Экспертного центра электронного государства // <http://d-russia.ru>

коллективных мер электронно-цифрового *противодействия* соответствующим асоциальным, преступным проявлениям.

Наряду с социальными аспектами логика и динамика мировой *интернетизации* активно формирует новый *личностный* категорический императив: желаешь остаться «человеком разумным» – стань «человеком информационно-коммуникационным». Ускоряющиеся и расширяющиеся потребление и производство практически каждым членом мирового социума все новой и новой информации и знаний обуславливает органичную потребность личности, а непрерывно растущие технологические возможности интерактивности дают ему эффективные средства для более действенных информационно-коммуникационных действий, взаимодействий, противодействий¹.

Разумеется, не все в этих мировых процессах можно описывать только в радужном свете. В частности, прогрессирующая глобализация современного мира и формирование транснационального информационного общества на электронно-цифровой технологической базе породили новую линию размежевания мирового сообщества – разделение государств и обществ по степени их информационного развития.

Именно в контексте такого развития и страны, и люди обретают статус «новых богатых» либо «новых бедных». Критерием при этом выступают уровень их доступа к социально и личностно значи-

---

¹ См. об этом : *Танскотт Д., Уильямс Э. Д.* Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все. Издательство BestBusinessBooks, 2009.

мой информации, степень включенности в мировые информационные и коммуникационные системы и процессы и т. п.

Разумеется, такого рода глобальные процессы не остаются без внимания научного, политического и экономического сообществ планеты. 2003 г. явился стартовым для Всемирных встреч на высшем уровне по вопросам информационного общества (WSIS)¹. И отнюдь не случайно в принятых по итогам первой такой встречи базовых документах (Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» и План действий) столь значительное внимание уделено проблеме ликвидации новой разновидности социального неравенства «цифрового неравенства»².

Современная экономико-технологическая инфраструктура делает возможным доставку массовой информации как в виде текстов, так и видеового ряда в кратчайший срок фактически в любое место Земли. В этом контексте наша планета все более зримо обретает черты, предсказанные канадским ученым М. Маклюэном, одной «глобальной деревни» (global village). Именитый гуру коммуникативистики определял эти процессы *in toto* (в целом) как позитивные, символизирующие возвращение человечества в Эдем, утраченные где-то в «Гутенберговой галактике» книгопечатания³.

---

¹ <http://www.wsis-forum.ru>

² <http://www.un.org>

³ *Маклюэн М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково

Информационный ресурс явно и повсеместно наращивает свой вес и значение среди прочих ресурсов власти и управления, что настоятельно требует соответствующего правового опосредования прежде всего информационно-правового и международно-правового, а также необходимой и достаточной кодификации¹.

Свобода массовой информации, понимаемая нами как *осуществляемый каждым любым законным способом свободный поиск, получение, передача, производство и распространение общедоступной информации, не имеющей установленных федеральными законами ограничений* включила публичную политику в повседневную жизнь широких народных масс. В результате фактор доверия и поддержки со стороны граждан стал необходимым условием эффективности большинства действий практически любой публичной власти. Медиа превратились в существенную часть механизма функционирования политической власти, а демонстрация столь интенсивной тенденции к росту своего влияния позволила некоторым представителям двух параллельных ветвей политической и

поле», 2003; Гройс Б. Под подозрением. Феноменология медиа. М.: Художественный журнал, 2007.

¹ См. об этом: Бачило И. Л. (отв. ред.), Андриющенко Е. А., Антопольский А. А., Демьянец М. В., Жарова А. К., Монахов В. Н., Пискунова Е. В., Семилетов С. И., Сергиенко Л. А. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / Под ред. И. Л. Бачило. М.: ИГП РАН; Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014.

медиа- теории выдвинуть гипотезу о становлении нового вида демократии – **медиакратии**¹.

Во всяком случае, структура механизма функционирования российской публичной власти уже не может быть правильно понята и оценена без учета места и роли в ней конституционного принципа свободы массовой информации, а также его развития в нормах информационного законодательства и соответствующих подзаконных нормативных актов².

Если метафорически представить образ любой публичной власти в виде птицы, то ее «крыльями» будут две основные образующие власть категории – **собственность** и **информация**. Только при наличии этой пары «птица» власти обретает полетные качества, иными словами – способность с надлежащей степенью эффективности выполнять свое базовое, функциональное предназначение. Что касается степени научного познания и, соответственно, правовой опосредованности полетных характеристик «крыльев» власти, то пока они существенно разнятся.

Если роль и функциональная значимость «*собственнического*» крыла изучена достаточно неплохо, хотя и эта сфера классического научного зна-

---

¹ См. об этом: *Бодрунова С. С.* Медиакратия: атлантические подходы к определению термина // *Медиа-философия* II. Границы дисциплины. СПб, 2009. С. 91–105.

² См. об этом: *Монахов В. Н.* Глава 5 «Правовые и этические основы деятельности PR-служб в органах власти и управления» в учебнике для академического бакалавриата «Связи с общественностью в органах власти» / М. М. Васильева и др. М.: Изд-во Юрайт, 2014.

ния имеет свои пробельные области, то серьезное изучение и оценка роли и значения информационного компонента публичной власти еще только начинает разворачиваться. Причем внутри этого научного разворота собственно правоведение, по некоторым оценкам занимало отнюдь не лидирующие позиции¹.

Вместе с тем, нельзя не отметить что именно в нашей стране впервые на планете информационное право получило статус самостоятельной отрасли права, законодательства и учебной дисциплины. В период с 2000 по 2013 гг. в Российской Федерации были сформированы основы правового регулирования информационных отношений и теперь можно уверенно констатировать, что Россия находится внутри мейстрима развития правовых систем передовых в информационном отношении стран мира, а по ряду вопросов российские инициативы находят отражение в актах и решениях ООН и ЕС².

Оценка роли и значения информационного компонента публичной власти в научно-публицистическом жанре достаточно ярко представлена в одной из работ российского исследователя глобалистики М. Делягина³.

---

¹ Терещенко Л. К. Правовой режим информации. М.: ИД «Юриспруденция», 2007. С. 8.

² Бачило И. Л. (отв. ред.), Андриющенко Е. А., Антопольский А. А., Демьянец М. В., Жарова А. К., Монахов В. Н., Пискунова Е. В., Семилетов С. И., Сергиенко Л. А. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / Под ред. И. Л. Бачило. М.: ИП РАН; Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 9.

³ Делягин М. Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. М.: ИНФРА М, 2003.

Их суть можно выразить в двух основополагающих тезисах.

1. В истории человечества недооценка властью роли информационной сферы жизни личности, общества и государства, как минимум, однажды и, по крайней мере, для западной цивилизации повлекла серьезные социальные последствия, близкие к катастрофическим. М. Делягин определяет это как «*кризис Гутенберга*», возникший в связи с появлением книгопечатания. Известно, что книгопечатание резко повысило доступность массовой информации для народных масс¹

На страницах своей книги М. Делягин обосновывает вывод о том, что явления Реформации и череда кровопролитных религиозных войн – печальное производное именно от этого информационного «половодья», с которым власти того времени надлежащим образом справиться не сумели.

2. Современные системы публичной власти вновь оказались перед проблемой информационного «половодья», вызванного бурным ростом информационно-коммуникативных интерактивных возможностей различных субъектов социального взаимодействия. Адекватного и действенного алгоритма решения этой проблемы нигде в мире пока не найдено. В результате человечество вновь оказалось на пороге очередного информационно-управленческого кризиса. В наши дни его глобальными проявлениями служат:

---

¹ До времени И. Гутенберга в Европе насчитывалось примерно 30 тысяч рукописных книг, но уже через 50 лет, к концу XV века, их стало уже около 9 млн. // Московские новости. 1998. № 50. С. 23.

– склонность многих органов и институтов публичной власти к изменению не самой реальности, а представлений о ней;

– все меньшая ответственность и демократичность властных институций, все меньше учитывающих расширяющуюся гамму интересов и мнений подвластных им субъектов, лишь на время доверивших им осуществление властных полномочий;

– постепенная, по мере расширения применения технологий формирования сознания на основе внедряемых представлений, утрата властью способности отличать желаемое от действительного.

Резюмируя сказанное в рамках историко-технологического аспекта нашей темы, подчеркнем главное: свобода массовой информации, лишь механически увеличивающая информационные потоки, протекающие в обществе, отнюдь не абсолютное благо, укрепляющее демократию, повышающее возможности личности и раскрывающее перед ней новые горизонты. Даже в чисто количественном аспекте, в тех случаях, когда информационные потоки перехлестывают границы управляющих систем данного общества, а сегодня уже и всего человечества, это создает для него серьезные системные опасности. Качественные же изъяны расширяющихся и углубляющихся мировых информационных потоков эти опасности умножают многократно.

Мягкое право и правосудие как ответ на вызовы глобального информационного мира

Формирующийся на наших глазах *информационный* мир в не меньшей, а, скорее, в большей степени, чем предыдущие миры – *промышленный* или

сельскохозяйственный, предъявляет свои вызовы, требующие адекватных мер реагирования, в том числе и со стороны науки права.

Правоведение и прежде всего его информационная отрасль призваны постоянно искать и своевременно находить адекватные ответы на такого рода вызовы времени, предлагать надлежащие правовые и иные регулятивные средства, способные обеспечить, во-первых, *рациональность регулирования* принципиально новых для мировой и национальных правовых систем публичных и частных информационных отношений и, во-вторых, *достаточно эффективное осуществление* такого рода регулятивных воздействий, обеспечивающее качественную охрану и защиту информационных прав и свобод различных субъектов.

Как представляется, в рамках поиска и отработки новых механизмов и способов регулирования отношений, возникающих в информационной сфере жизни личности, общества и государства, происходит пока еще мало осознаваемая и фиксируемая нашим сознанием, в том числе и научным, смена вектора развития мирового правоведения, своим содержанием в чем-то напоминающая историю развития ЭВМ.

Заимствуя из этой истории соответствующий понятийный аппарат, можно сказать, что отечественное и зарубежное правоведение проходит путь от осознания и решения проблем *«правового железа»* (вещных, имущественных объектов прав) к значительно более тонким и сложным проблемам *«юридического софтвера»* (software), чье оптимальное решение возможно лишь в рамках нарождающегося-

ся международного Cyberspace Law – «правового опосредования деятельности в киберпространстве»¹.

Характерным признаком *юридического софтвера* является то, что в его рамках предметом регулирования во все большей степени выступают все менее осязаемые, невещественные объекты прав и правомочий. В их ряду: специфика правовых режимов информации как объекта публичного и/или частного права; поиск оптимальных организационно-правовых форм вхождения информации в политический, военный, экономический, культурный оборот; и т. д.

Результат правового опосредования такого рода информационных отношений, их надлежащая правовая форма – *информационные правоотношения* – в формате примененной образной аналогии можно представить в качестве своеобразного правового софта, мягкого права (Soft law), продукта высококоразвитого информационного правоведения. Иными словами, того, что во многих элементах уже составляет правовую базу мирового информационного общества XXI века и третьего тысячелетия.

Судебная практика, как неотъемлемая составляющая мирового процесса правообразования (напомним, что в своей основе прародитель современного европейского права – римское право, рождалось отнюдь не в парламентах, а в ходе дея-

---

¹ См. об этом: *Федотов М. А.* Конституция как символ доцифровой эпохи. 2003 // <http://www.unescochair.ru>

тельности римских судей-преторов)¹ и правозащиты, также старается не отставать от потребностей жизни в условиях глобальной информатизации окружающей социальной действительности и активно участвует своими средствами в выявлении, защите и развитии информационных прав и обязанностей различных субъектов права.

В этом контексте не столь уж утопичным покажется предположение о том, что дальнейшее развитие этих явлений и процессов рано или поздно сформирует своеобразное *мягкое информационное правосудие* (Soft justice), а в моду войдут *информационные суды* или иные по названиям институции специальной информационной юрисдикции, действующие в рамках особого *информационного правосудия*.²

Конституционный принцип свободы массовой информации в Российской Федерации

Конституция Российской Федерации 1993 г., включила свободу массовой информации в число основных прав и свобод человека и гражданина, избрав для этого емкую формулу *конституционного принципа*: «Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается» (ч. 5 ст. 29).

Надлежащую для своего эффективного воплощения в реальность конкретность и системность

---

¹ См. об этом: *Баренбойм П. Д.* 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.

² См.: *Сергиенко Л. А.* История формирования информационного права в СССР и Российской Федерации 1960–2000 гг.: Монография. М.: ЮРКОМПАНИ, 2013. С. 255–269.

этот конституционно-правовой принцип обретает на протяжении практически всего правового пространства российской Конституции, вбирая в себя содержание целого ряда ее норм и правомочий. И, прежде всего, весьма значимых информационно-правовых правомочий, закрепленных в той же ст. 29 Конституции РФ:

- каждому гарантируется свобода мысли и слова;
- никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них;
- каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Контекстуальный анализ установленных в данной статье правомочий позволяет прийти к определенным выводам. Во-первых, каждая из свобод, содержащихся в ст. 29, обладает относительно *обособленным* характером. В то же время эти свободы сущностно, на базовом уровне *взаимосвязаны*. В том числе посредством *взаимодополнения* их юридических качеств. Скажем, правовой принцип свободы массовой информации выступает в качестве одной из важных гарантий реализации свободы мысли, слова и права на информацию. В то же время каждая из этих свобод в той или иной степени «работает» на реализацию принципа свободы массовой информации.

Ст. 29 Конституции самая яркая, но отнюдь не единственная информационно-правовая «звезда» на российском конституционном небосклоне. Закрепленный в ней принцип свободы массовой информации имеет самостоятельное конституционное выражение во многих значимых для гражда-

нина областях. К их числу, например, относится правомочие иметь свободный доступ к информации о ходе законодательного процесса (согласно ч. 2 ст. 100 Конституции, заседания Совета Федерации и Государственной Думы являются открытыми), а также о его конечных результатах (согласно ч. 3 ст. 15 Конституции, «законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются»).

В этом же семантическом ряду расположено информационное правомочие каждого на свободу поиска и получения информации о ходе осуществления судебной власти, обеспеченное ч. 1 ст. 123 об открытом характере судопроизводства.

Свобода экологической информации напрямую вытекает из ст. 42, в соответствии с которой каждый имеет право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды.

Конституционные нормы, регулирующие отношения, связанные с правом на свободу совести (ст. 28), а также с правом на доступ к культурным ценностям и свободе творчества во всех его проявлениях (ст. 44), включают в себя правомочия свободы массовой информации в качестве информационно-правовой подсистемы, гарантирующей реализацию указанных основных прав и свобод.

Что же касается реализации самого принципа свободы массовой информации, то он так же имеет достаточно развернутую систему конституционных норм-гарантий своего воплощения. Причем не только внутри, но и за пределами норм ст. 29 Конституции. Особое место среди таких «внешних» по отношению к данной статье гарантий занимают

нормы ст. 13 Конституции, закрепляющие принципы идеологического, политического многообразия, а, следовательно, информационного плюрализма, идеологического разнообразия СМИ и иных медийных структур.

Другая часть таких гарантий включает в себя дополнительные *конституционные преференции* или *конституционно-правовые иммунитеты*, которыми наделяются специальные субъекты, играющие важную роль в практической реализации принципа свободы массовой информации. К примеру, норма ст. 51 Конституции предусматривает (в порядке, определенном федеральным законом) возможность наделения конкретных лиц так называемым «*свидетельским иммунитетом*» – освобождением от обязанности давать свидетельские показания.

Отметим, что для журналистов и редакций средств массовой информации (подчеркнем, что для тех и других в разных объемах!!!) данный правовой иммунитет получил закрепление еще в «доконституционном» Законе РФ от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации» (ст. 41; абз. 4 ч. 1 ст. 49) в части сохранения конфиденциальности журналистской, редакционной информации и ее источника.

К сожалению, ни УПК РФ (действует с 2002 г.), ни ГПК РФ (действует с 2003 г.) пока не включили в свои конструкции института полноправного свидетельского иммунитета журналиста¹. В результате, по «медийному» закону, российский журналист

---

¹ Правда ограниченным свидетельским иммунитетом на этапе дознания и следствия редакция и главный редактор СМИ все же наделены (см. ч. 2 ст. 144 УПК РФ).

«обязан сохранять конфиденциальность информации и /или ее источника» (абз. 4 ч. 1 ст. 49 Закона РФ 1991 г. «О средствах массовой информации»), а по основным процессуальным кодексам, он полноправным, обязательным для суда свидетельским иммунитетом не наделен (см. нормы ст. ст. 56 УПК РФ и 69 ГПК РФ).

Так что в случае, если, например, журналист будет привлечен к участию в деле в качестве свидетеля в рамках уголовного или гражданского судопроизводства и откажется указать источник интересующей суд информации, то отнюдь не исключено применение к нему меры уголовной ответственности по статье 308 УК РФ за отказ от дачи показаний. Кроме того, отказ раскрыть источник информации может быть квалифицирован и как проявление неуважения к суду (ст. 297 УК РФ).

Наличие подобных законодательных коллизий может создать достаточно серьезные проблемы в исполнении российскими журналистами одного из самых значимых принципов своей профессии – сохранение в тайне источника информации.

Размышления над устранением указанных законодательных коллизий приводят к предложению, в порядке *de lege ferenda*, о необходимости внесения соответствующих изменений в нормы ст.ст. 56 УПК РФ и 69 ГПК РФ. Включение журналиста в перечень лиц, освобожденных от *обязанности* давать суду свидетельские показания в ситуациях, когда он по нормам специального закона (абз. 4 ч. 1 ст. 49 Закона РФ 1991 г. «О средствах массовой информации») «обязан сохранять конфиденциальность информации и /или ее источника» особенно

в рамках уголовного процесса, будет полнее гармонировать с нормами более продвинутых актов российского процессуального законодательства. Например, с нормой п. 5.1. ст. 56 Арбитражного процессуального кодекса РФ, внесенной в этот Кодекс Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 194-ФЗ. Согласно этой норме «Не подлежат допросу в качестве свидетелей посредники, оказывающие содействие сторонам в урегулировании спора, в том числе медиаторы, об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением соответствующих обязанностей». Кроме того, такого рода законодательная новация будет полностью соответствовать сложившейся в этой сфере информационно-правовых отношений международно-правовой судебной практике¹.

Ограничения свободы массовой информации

Наряду с гарантиями Конституция РФ устанавливает определенные *ограничения принципа свободы массовой информации*. Эти ограничения можно представить в виде следующей системы, включающей в себя:

А) *Ограничения общего характера*. Такого рода ограничения касаются общего конституционно-правового статуса лиц, подпадающих под данные ограничения. Они устанавливают допустимые

---

¹ См. об этом: *Монахов В. Н.*: Как защитить защитника? / В сб.: ИГП РАН Информационное общество и социальное государство. М.: У Никитских ворот, 2011. С. 129–144; «Викилизация» как новый инструмент права знать / В сб.: Информационное общество: проблемы развития законодательства: сборник научных работ ИГП РАН. М.: ИГП РАН: Юркомпани, 2012. С. 206–218.

пределы изъятий из основных, в том числе информационных, прав и свобод с ориентиром на цели, которым такие изъятия должны быть соразмерны (ст.ст. 13, 19, 29, 55 Конституции). Так, использование свободы массовой информации для подрыва демократических устоев общества может квалифицироваться как злоупотребление такой свободой. В соответствии с ч. 2 ст. 29 Конституции РФ «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства». Ч. 2 ст. 19 Конституции запрещает «любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности».

Б) *Ограничения, действующие в условиях применения специфических правовых режимов.* Например, в условиях предусмотренного ст. 56 Конституции конституционно-правового режима чрезвычайного положения (*содержательный критерий в виде определенных целей*), для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом (*требование к правовой форме ограничений*) могут устанавливаться отдельные ограничения свободы массовой информации с указанием пределов (*содержательный критерий*) и срока (*временной параметр*) их действия.

Причем даже в этих случаях Конституция (ч. 3 ст. 56) устанавливает пределы усмотрения государственных властей, закрепляя отдельные право-

мочия принципа свободы массовой информации, которые даже при этих условиях не должны ограничиваться. Например, свобода распространять религиозные и иные убеждения (ст. 28) не подлежит ограничениям даже в условиях режима чрезвычайного положения.

В) *Ограничения, вытекающие из особенностей правового статуса отдельных категорий субъектов права и их отношений с государством и обществом.* В такого рода случаях параметры правомерности ограничений чрезвычайно редко получают четкое конституционно-правовое воплощение. Иногда они формализуются законодателем, а еще чаще – судами, но обосновываются при этом именно конституционно-правовой природой регулируемых информационных отношений, степень соответствия которой может быть предметом проверки и оценки в рамках конституционного судопроизводства или соответствующих международных судебных-правовых институций.

Ярким примером ограничений этого классификационного ряда может служить правовой статус так называемой «общественной фигуры». Такого рода субъект права, например, в рамках мирового судебного-правового пространства имеет достаточно существенные особенности (в сравнении с обычным гражданином) в части освещения его жизнедеятельности в средствах массовой информации¹.

---

¹ См.: *Монахов В.* «Общественная фигура» была лишь у них. Теперь есть и у нас // *Журналист.* 1999. № 4–5. С. 18–19. Особого внимания в контексте нашей темы заслуживает правовая позиция Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной

Меры юридической ответственности

Наряду с гарантиями и ограничениями, Конституция РФ устанавливает систему мер ответственности за нарушение правомочий, составляющих конституционный принцип свободы массовой информации. В частности, согласно ч. 3 ст. 41, «сокрытие должностными лицами фактов и обстоя-

---

практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», содержащая рекомендательный для нижестоящих судов алгоритм действий при рассмотрении ими уголовных дел, связанных с критикой государственных должностных лиц в средствах массовой информации : «При установлении в содеянном в отношении должностных лиц (профессиональных политиков) действий, направленных на унижение достоинства человека или группы лиц, судам необходимо учитывать положения ст.ст. 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой Комитетом министров Совета Европы 12 февраля 2004 г., и практику Европейского Суда по правам человека, согласно которым политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации; государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в средствах массовой информации в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий. Критика в средствах массовой информации должностных лиц (профессиональных политиков), их действий и убеждений сама по себе не должна рассматриваться во всех случаях как действие, направленное на унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку *в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц*».

тельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом». Указанные правомочия защищаются и положениями ст. 46, в рамках которых «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод».

Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суде. Если же исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, то у каждого возникает конституционно-правовая возможность в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека.

В целом можно констатировать, что конституционно-правовые основы свободы массовой информации в Российской Федерации сформированы в необходимой и достаточной мере. Значимая часть этих основ уже получила свое развитие в отраслевых нормах российского законодательства, прежде всего информационно-правового, что позволяет говорить о наличии в современной отечественной правовой системе не только *принципа* свободы массовой информации, но и соответствующего информационно-правового *института* свободы массовой информации.

Согласно ст. 2 Конституции, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека определены в качестве обязанности государства. Конституционно закреплённый приоритет прав и свобод че-

ловека в деятельности всех органов государства, непосредственная действенность тех из них, что закреплены в гл. 2 Конституции – системообразующий фактор развития отечественного законодательства вообще и законодательства, регулирующего отношения по реализации конституционного принципа свободы массовой информации, в частности.

Свобода массовой информации как институт информационного права

В настоящее время повышение интереса к подготовке и принятию нормативных правовых установлений, призванных регулировать разнообразные общественные отношения по поводу той или иной информации, отмечается во всем мире. Исследования количественных параметров такого рода нормативно-правового творчества в Российской Федерации за 1990–2013 гг., проведенные в секторе информационного права ИГП РАН, дали следующие результаты. За указанный период принято около 400 законов, в той или иной степени регулирующих отношения по поводу информации и информационных технологий (из них более 70-ти полностью посвящены этим вопросам, остальные включают лишь отдельные нормы, касающиеся информационных отношений¹). Отмечено, что на сегодняшний день эти законы «обросли» почти 3700-ми поправками и изменениями.

Кроме того, за этот же период принято около 800 Постановлений правительства (в них внесено око-

---

¹ См.: *Копылов В. А.* О структуре и составе информационного законодательства // Государство и право. 1996. № 6. С. 101.

ло 750 изменений), около ста Указов Президента (в них внесено около 200 изменений), а всего нормативных правовых актов информационно-правовой направленности принято около 1300, внесенных в них изменений – около 4600. На этой основе совершается и движение в других областях нормативно-правового хозяйства страны. *Учет актов, которые откликались на информационное законодательство и вносили соответствующие дополнения показывает, что информационная тематика нашла отражение в более чем 1500 федеральных законах; затронула почти 5000 постановлений правительства; 800 указов, а всего получается, что в отечественном законодательстве действуют около – 7500 актов по информационной тематике (количество изменений в этой части не подсчитывалось¹.*

Подчеркнем, что рост числа такого рода нормативных правовых установлений не временная дань новомодному объекту права – информации. Теперь это – вопрос вхождения или не вхождения в мировую семью информационных сообществ. К примеру, в Европе уже достаточно давно действуют серьезные международно-правовые ограничения для стран-аутсайдеров в формировании современного информационного законодательства.

---

¹ См.: См. об этом: *Бачило И. Л.* (отв. ред.), *Андрющенко Е. А., Антопольский А. А., Демьянец М. В., Жарова А. К., Монахов В. Н., Пискунова Е. В., Семилетов С. И., Сергиенко Л. А.* Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / Под ред. И. Л. Бачило. М.: ИГП РАН; Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 15–16.

Так, в соответствии с нормой ст. 26 Директивы Европейского Союза 95/46/СЕ, с октября 1998 г. страны мира, не обеспечившие к этому сроку надлежащий национальный законодательный уровень защиты персональных данных, потеряли право на получение тех или иных персональных данных из стран Европейского Союза¹.

В соответствии со ст. 6 Европейской Конвенции о защите личности в связи с автоматической обработкой персональных данных и «Дополнительным протоколом к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, о наблюдательных органах и трансграничной передаче информации» (Страсбург, 8 ноября 2001 г.) так называемые «чувствительные данные» (о судимостях, о национальной принадлежности, о здоровье или сексуальной ориентации) могут подвергаться автоматической обработке лишь в тех государствах – участниках Конвенции, в которых национальное право предусматривает надлежащие гарантии их защиты².

Определяющим фактором дальнейшего законодательного развития и обогащения конституционного принципа свободы массовой информации в отраслевом законодательстве, постепенного наращивания соответствующих норм до статуса от-

---

¹ Текст Директивы в редакции Регламента Европейского парламента и Совета ЕС 1882/2003 от 29 сентября 2003 г. доступен через информационный банк Консультант Плюс; См. также: *Вельдер И. А.* Система правовой защиты персональных данных в Европейском союзе: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.

² Указанные документы так же доступны через информационный банк Консультант Плюс.

дельного института информационного права с аналогичным названием стал поиск гармоничного сочетания, баланса свободы его реализации и ответственности за злоупотребление свободой массовой информации.

Активно развивающееся российское законодательство, в той или иной степени регулирующее деятельность по реализации свободы массовой информации, на сегодняшний день включает в себя свыше тридцати федеральных законов, десятки законов субъектов Федерации, многочисленные Указы Президента РФ, постановления Правительства и других органов государственной власти, а также органов местного самоуправления¹ является одной из важнейших форм закрепления результатов вышеуказанного поиска баланса свободы и ответственности в формате межотраслевого *правового института свободы массовой информации*.

В 2003 г. российские медиа отметили свое 300-летие. *16 декабря 1702 г.* Петр I издал соответствующий Указ, а *13 января 1703 г.* во исполнение его в Москве появилась первая российская печатная газета «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и иных окрестных странах». Само название этого периодического печатного издания достаточно внятно говорит о том, что первая ласточка российских СМИ родилась в государственном «гнезде» и зависимость от породившего

---

¹ См.: Рихтер А.Г. Правовые основы журналистики: Учебник для вузов. М.: Изд-во «Высшая школа», 2009. С. 13.

ее государства впитала, что называется, «с молоком матери».

Вместе с тем последующие три века не раз показывали «городу и миру» яркие примеры выполнения лучшими представителями российской прессы высокой общественной миссии защитника общественных интересов, доверенного лица общества, ориентированного на общественное благо.

В западных странах Европы мы увидим несколько иную картину рождения прессы. Первые ласточки европейских печатных изданий устраивали свои гнезда иначе, чем их российские собратья. Антверпен – 1605 год, Страсбург – 1609 год, Англия – 1622 год – это даты рождения первых европейских газет, и все они зарождались в гражданском обществе, его экономической, прежде всего торговой, ипостаси, в силу чего органично, с самого рождения являясь *институциями общества, а не государства*.

К исторически разным «родительским генам» европейской и российской прессы со временем добавились различные векторы законодательного регулирования ее деятельности. Скажем, в Германии этот вектор свое генеральное направление на предоставление прессе максимально возможной на данный исторический момент «свободы от государства» приобрел еще в 1874 г. в имперском Законе «О прессе», подписанном канцлером Бисмарком¹.

Российское же государство практически все эти три века свое регулирующее воздействие по отно-

---

¹ См.: Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. С. 198.

шению к прессе направляло ровно в противоположную сторону, все более и более ее огосударствляя. Используя для этого форматы Уставов о цензуре или декретов о печати.

В результате этого *первый в тысячелетней истории России закон* о печати был принят уже в рамках ее новейшей истории. Им стал Закон СССР от 12 июня 1990 г. «О печати и других средствах массовой информации». Объявив многовековую российскую государственную цензуру «вне закона», он, тем самым, заложил предпосылки формирования благоприятной правовой среды для социально необходимого отделения СМИ вслед за церковью от государства.

Сегодня основополагающим актом, регулирующим медиаотношения в российском правовом пространстве, является Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» 1991 г. Ст. 1 этого Закона закрепляет важные концептуальные положения, раскрывающие конкретное юридическое содержание категории «свобода массовой информации на территории Российской Федерации» применительно к средствам массовой информации:

В этом контексте *свобода массовой информации* включает в себя следующие основные правомочия, не подлежащие ограничениям, за исключением предусмотренных законодательством Российской Федерации о средствах массовой информации:

- поиска, получения, производства и распространения массовой информации;
- учреждения средств массовой информации;
- владения, пользования и распоряжения СМИ;

– изготовления, приобретения, хранения и эксплуатации технических устройств и оборудования, сырья и материалов, предназначенных для производства и распространения продукции средств массовой информации.

Известный американский исследователь мирового коммуникационного и информационного права проф. М. Прайс утверждает, что законы о СМИ в переходных обществах в большей степени «включают в себя не реалии, а устремления», зачастую представляя собой «недолговечный памятник опыту новых свобод и травмам преобразований»¹.

Закон Российской Федерации «О СМИ» 1991 г., во многом подтверждая этот тезис проф. М. Прайса, тем не менее испытание «огнем» политических сражений более чем двадцатилетнего периода его применения в целом выдержал. В настоящее время мы переживаем этап его испытания «водой» – в реалиях экономической действительности отнюдь еще не завершенного переходного периода. Уже имеющиеся результаты этих испытаний зримо свидетельствуют, что потенциала этого Закона для адекватных ответов новым вызовам нашего времени не хватает.

Все явственней становится общая тенденция: чем больше мы осваиваем нормальные, цивилизованные рыночные отношения, тем сильнее дает о себе знать неразвитость правового регулирования отношений субъектов *свободы массовой информации* по принципу «два в одном» входящих в пред-

---

¹ См.: Прайс М. Телевидение, телекоммуникации и переходный период. Право, общество и национальная идентичность. М., 2000. С. 126.

мет регулирования другого важнейшего конституционного института, закрепленного ст.ст. 8 и 34 Конституции РФ – *свободы экономической деятельности*.

Гармонизация правомочий двух конституционных свобод: свободы массовой информации и свободы экономической деятельности – обретает значение генерального направления модернизации российского информационного законодательства вообще и законодательства о СМИ в особенности.

Время императивно ставит перед российскими медиа- и правовым сообществами серьезную, одновременно социоправовую, социополитическую и социокультурную задачу, в решении которой, в силу такой комплексности, ведущую роль призваны сыграть возможности именно информационного права, как известно, определяющего основные принципы, направления и приоритетность развития правового регулирования различных видов информационных отношений.

Содержанием этой задачи является создание и закрепление в правовых и этических регуляциях оптимального механизма совмещения вековых традиций российской журналистики как общественного служения, вида публичной службы обществу с эффективным использованием законных форм экономической деятельности в сфере массовой информации для формирования прозрачной экономической базы подлинной независимости СМИ¹.

---

¹ См.: *Вартанова Е. Л.* О современных медиа и журналистике. Заметки исследователя. М.: МедиаМир, 2015; *Массмедиа в условиях глобализации: информационно-*

Роль судебной практики

К сожалению, в деле регулирования, реализации и защиты свободы массовой информации на территории Российской Федерации роль судебной практики, мягко говоря, отнюдь не «не первого плана». Основные надежды на изменение status quo в этом правовом сегменте, видимо, следует возлагать на самое молодое ответвление нашей судебной власти – конституционное правосудие. Во всяком случае, до самого последнего времени в основном именно с его помощью продвинутые представления о содержании и направлениях развития конституционного принципа свободы массовой информации «обретают плоть и кровь» в иных структурах правовой системы нашей страны.

Так, Постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 1997 г. № 4-П По делу о проверке конституционности ст. 3 Федерального закона от 18 июля 1995 г. «О рекламе» среди прочих своих правовых оснований исходило из тезиса, что право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию относится к основным правам и свободам человека и гражданина¹.

Поскольку реальность нашего мира, в том числе ее информационная составляющая, состоит из противоречий, принципиально важной становится методическая сторона их разрешения. Российское конституционное судопроизводство выработало на

коммуникационная безопасность: Монография / Под общ. ред. проф. В. И. Василенко. М.: Проспект, 2015.

¹ Ведомости Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 1.

этот счет действенный методико-технологический алгоритм: руководствоваться принципом поддержания *справедливого равновесия между интересами обеспечения права каждого на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации любым законным способом и реализацией других прав и охраняемых законом интересов.*

В частности, нахождение такого равновесия стало одним из основных предметов размышлений судей Конституционного Суда РФ в ходе их работы над Постановлением Суда от 22 ноября 2000 г. №14-П¹ по делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 1 декабря 1995 г. «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации» (далее – ФЗ «О господдержке...»).

Согласно определяющей правовой позиции Конституционного Суда, сформулированной в мотивировочной части этого Постановления, конституционный смысл системы государственной поддержки СМИ в России, как совокупности устанавливаемых государством организационных, организационно-технических, правовых, экономических и иных мер, заключается в обеспечении конституционного права граждан на получение полной и объективной информации, свободы слова, а также независимости средств массовой информации.

ФЗ «О господдержке...», по мнению Конституционного Суда, содержит материальные гарантии указанных конституционных прав и свобод, его нормы призваны способствовать созданию и дея-

---

¹ СЗ РФ. 2000. № 49. Ст. 4861.

тельности свободных и независимых средств массовой информации в период становления в России гражданского общества и демократического правового государства.

Вместе с тем важность роли, которую играют в демократическом обществе средства массовой информации и выполняемые ими функции, отнюдь не превращают их в некую касту «неприкасаемых». На них в полной мере распространяются закрепленные на федеральном уровне общие правила, регулирующие участие в гражданском обороте хозяйствующих субъектов.

Передача редакциям средств массовой информации, издательствам, информационным агентствам и телерадиовещательным компаниям в хозяйственное ведение помещений, которыми они владеют либо пользуются в процессе своей производственно-хозяйственной деятельности, в качестве меры господдержки финансового и хозяйственного характера изначально направлена на достижение такой конституционно значимой цели, как свобода слова и свобода массовой информации.

Кроме того, такая передача непосредственно затрагивает и закрепленное в Конституции РФ право собственности, которое обязывало законодателя при урегулировании соответствующих отношений найти *справедливый баланс между этими конституционно защищаемыми ценностями на основе критериев, установленных Конституцией* (вспомним приведенный выше пример о двух «крыльях власти» – собственности и информации!).

Федеральная государственная собственность и управление ею находятся в ведении Российской Федерации (п. «д» ст. 71 Конституции). По предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории страны (ч. 1 ст. 76 Конституции).

Исходя из этих положений, Конституционный Суд РФ подтвердил, что федеральный законодатель, действуя в рамках указанных полномочий и определяя порядок управления федеральной собственностью, вправе установить объем и пределы осуществления права собственности на федеральное имущество (владение, пользование и распоряжение им). Вместе с тем, согласно ч. 3 ст. 5 ФЗ «О господдержке...» и во взаимосвязи с указанными положениями данного Закона и ГК РФ, объектом регулирования не являются помещения, находящиеся в частной собственности.

Направленная на урегулирование иных отношений, эта норма Закона не может толковаться и применяться, как обязывающая частных собственников передать принадлежащие им помещения в хозяйственное ведение организаций и предприятий, которые владеют либо пользуются этими помещениями.

Следовательно, часть третья ст. 5 ФЗ «О господдержке...» *не предполагает возможность передачи редакциям средств массовой информации, издательствам, информационным агентствам, телерадиовещательным компаниям в хозяйственное ведение помещений, находящихся в частной собственности, а потому не может использоваться*

в качестве законного основания для такой передачи.

В то же время, по своему буквальному смыслу и по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, данная норма допускает возможность ее применения в тех случаях, когда используемые СМИ помещения находятся в собственности субъектов Российской Федерации и муниципальной собственности (собственности муниципальных образований), независимо от того, имеется ли на это согласие собственника.

Между тем, согласно ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Из этого положения во взаимосвязи с Конституцией РФ о равной защите всех форм собственности следует, что *не только право частной собственности, но и право собственности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований может быть ограничено лишь федеральным законом и при условии, что это необходимо для защиты указанных конституционных ценностей и что такое ограничение является соразмерным, то есть его характер соответствует тем конституционно защищаемым целям, ради которых оно вводится.*

Поскольку передача помещений, находящихся в федеральной собственности, осуществляется самим собственником на основании федерального

закона с соблюдением требований ст. 71 (п. «д») и 76 (ч. 1) Конституции РФ, нарушения прав собственности не происходит.

Передача же (хотя бы и во временное хозяйственное ведение) помещений, принадлежащих на праве собственности субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям, без их согласия, если она осуществляется без разумной компенсации, выходит за рамки требований ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ и корреспондирующих ей положений ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (в редакции Протокола № 11, вступившего в силу 1 ноября 1998 г.) и, следовательно, не является адекватным средством для достижения цели, ради которой она установлена.

С учетом сказанного, Конституционный Суд РФ определил, что, так как часть третья ст. 5 ФЗ «О господдержке...» по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, допускает возможность такой передачи без надлежащего возмещения, она *несоразмерно ограничивает конституционные права и законные интересы субъектов права собственности – субъектов Российской Федерации и муниципальных образований*, ставит их в неравное положение с Российской Федерацией как собственником федерального имущества и *нарушает баланс двух конституционных ценностей – права на информацию и права собственности – в ущерб последней*.

Таким образом, часть третья ст. 5 ФЗ «О господдержке...» была признана Конституционным Судом РФ *не соответствующей Конституции* в той

мере, в какой она допускает передачу редакциям СМИ, иным субъектам свободы массовой информации в хозяйственное ведение находящихся в собственности субъектов Российской Федерации или являющихся муниципальной собственностью помещений, которыми эти организации и предприятия владеют либо пользуются в процессе своей производственно-хозяйственной деятельности, без согласия собственников, *если такая передача осуществляется без надлежащего возмещения.*

Важные правовые позиции, касающиеся особенностей регуляции общественных отношений, связанных с реализацией свободы массовой информации содержатся в постановлении Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П¹. Отметим здесь лишь две из них.

Во-первых, Суд подчеркнул необходимость применения комплексных регулятивных средств воздействия на такого рода общественные отношения. Иными словами, Суд отметил необходимость применения в данном контексте разумного сочетания средств *гос и саморегулирования*. Эта правовая позиция Суда изложена следующим образом: «Исходя из того, что пользование свободой массовой информации – по смыслу ст. 29 Конституции Российской Федерации, п. 2 ст. 10 Конвенции о защи-

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова» // СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4358.

те прав человека и основных свобод и п. 3 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах – налагает на организации, осуществляющие выпуск средств массовой информации, особые обязанности и особую ответственность, представители этих организаций, действующих на основе редакционной независимости и вырабатываемых журналистским сообществом норм саморегуляции, т. е. правил профессии и этических принципов, должны занимать этичные и взвешенные позиции и освещать избирательные кампании справедливым, сбалансированным и беспристрастным образом».

И, во-вторых, в этом постановлении судьи Конституционного Суда РФ в очередной раз подчеркнули важность учета принципа соразмерности применяемых законодателем ограничений прав и свобод. Как правильно отмечает в своей интересной статье по поводу данного постановления М. А. Федотов¹, «Конституционный Суд РФ последовательно придерживается правовой позиции, согласно которой всякое подобное ограничение должно быть соразмерно конституционно признаваемым целям такого ограничения.

Отсюда следует, что «в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может использовать такие способы регули-

---

¹ См.: *Федотов М. А.* Неопределенность понятия «предвыборная агитация» и опасность приостановления выпуска СМИ за нарушение законодательства о выборах // Труды по интеллектуальной собственности. № 1 (том XX). 2015. С. 5–51.

рования, которые посягали бы на само существо того или иного права, ставили бы его реализацию в зависимость от решения правоприменителя, допуская тем самым произвол органов власти и должностных лиц».

Определяя средства защиты государственных интересов, законодатель «должен использовать лишь те из них, которые для конкретной правоприменительной ситуации исключают возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату; цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод»¹.

Элегантность процитированных формулировок постановлений Конституционного Суда РФ не должна вызывать неудовольствия своей якобы неконкретностью. Такое неудовольствие – результат поверхностного понимания правовых позиций

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б. А. Кехмана // СЗ РФ. 2000. № 9. Ст. 1066.

Конституционного Суда РФ. Как говорили древние, *sapienti sat*, понимающему – достаточно! На самом деле, в этих позициях достаточно зримо проявляется общая, сущностная природа конституционного правосудия как такового. Она состоит в том, что, формулируя законодателю определенные требования, которым должны, с точки зрения судей Конституционного Суда, удовлетворять проверяемые ими нормы законов, выходящие из-под пера законодателя, судьи при этом не имеют права этим пером водить, подменяя тем самым законодателя.

Немного перефразировав известную максиму римского права (заменив слово «*lex*» – закон на слово «*pretor*» – высший магистрат, выполняющий в Риме судебные функции) можно выразить эту мысль следующим образом: *pretor non exacte definit, sed arbitrio boni viri permittit* – суд не определяет точно, но предоставляет свободу для суждения справедливого человека.

Насколько справедливыми окажутся наши законодатели, покажет время.

Заключение

Конституционно-правовой *принцип свободы массовой информации*, закрепленный в ст. 29 Конституции России и развивающийся на его базе *информационно-правовой институт свободы массовой информации* по своей сути не должны играть роль некой лишь завлекающей витрины, своеобразной конституционно-правовой и информационно-правовой фикции. Этот принцип и институт должны динамично развиваться в нормах российского информационного законодательства, обре-

тающего все более и более реальную значимость и действенность для всех участников общественных отношений в связи с осуществляемым на ее территории любым законным способом поиском, получением, передачей, производством и распространением общедоступной информации.

Все эти условия вполне понятны и оправданы, поскольку свобода массовой информации в гармоничной взаимосвязи со свободой творчества, экономической деятельности, иными свободами является собой системообразующий фактор того открытого демократического правового общества и государства, которое мы все вместе строим в России.

Только в совместном инвестировании внимания и терпения, направленных на выработку оптимальных и адекватных технологическим реалиям мирового киберпространства организационно-правовых решений, посредством взаимной интеграции различных отраслей права получит свое надлежащее развитие информационное право, как надлежащая правовая база глобального общества информации и знаний.

Библиографический список:

1. *Баренбойм П. Д.* 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.

2. *Бачило И. Л.* (отв. ред.), *Андрющенко Е. А., Антопольский А. А., Демьянец М. В., Жарова А. К., Монахов В. Н., Пискунова Е. В., Семилетов С. И., Сергиенко Л. А.* Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / Под ред. И. Л. Ба-

чило. М.: ИГП РАН; Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014.

3. *Бодрунова С. С.* Медиакратия: атлантические подходы к определению термина // Медиа-философия II. Границы дисциплины. СПб., 2009.

4. *Вартанова Е. Л.* О современных медиа и журналистике. Заметки исследователя. М.: Меди-аМир, 2015.

5. *Гройс Б.* Под подозрением. Феноменология медиа. М.: Художественный журнал, 2007.

6. Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» и План действий по ее реализации // <http://www.un.org>

7. *Делягин М. Г.* Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. М., ИНФРА М, 2003.

8. *Танскотт Д., Уильямс Э. Д.* Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все. Издательство BestBusinessBooks, 2009.

9. *Копылов В. А.* О структуре и составе информационного законодательства // Государство и право. 1996. № 6.

10. *Кудрявцев В. Н.* Свобода слова / Рос. академия наук. М.: Наука, 2006.

11. Массмедиа в условиях глобализации: информационно-коммуникационная безопасность: Монография / Под общ. ред. проф. В. И. Василенко. М.: Проспект, 2015.

12. *Маклюэн М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003.

13. *Монахов В. Н.* Глава 5 «Правовые и этические основы деятельности PR-служб в органах

власти и управления» / В учебнике для академического бакалавриата «Связи с общественностью в органах власти» / М. М. Васильева и др. М.: Изд-во Юрайт, 2014.

14. *Монахов В. Н.* «Общественная фигура» была лишь у них. Теперь есть и у нас // Журналист. 1999. № 4–5.

15. *Монахов В. Н.* Как защитить защитника? / В сб.: ИГП РАН «Информационное общество и социальное государство». М.: «У Никитских ворот», 2011. С. 129–144

16. *Монахов В. Н.* «Викилизация» как новый инструмент права знать / В сб. научных работ ИГП РАН «Информационное общество»: проблемы развития законодательства. М.: ИГП РАН, изд-во «Юркомпани», 2012. С. 206–218

17. Окинавская хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. № 8.

18. *Прайс М.* Телевидение, телекоммуникации и переходный период. Право, общество и национальная идентичность. М., 2000.

19. *Рихтер А. Г.* Правовые основы журналистики: Учебник для вузов. М.: Изд-во «Высшая школа», 2009.

20. *Терещенко Л. К.* Правовой режим информации. М.: ИД «Юриспруденция», 2007.

21. *Хессе К.* Основы конституционного права ФРГ. М., 1981.

22. *Федотов М. А.* Конституция как символ доцифровой эпохи. 2003 // <http://www.unescochair.ru>

23. *Федотов М. А.* Неопределенность понятия «предвыборная агитация» и опасность приоста-

новления выпуска СМИ за нарушение законодательства о выборах // Труды по интеллектуальной собственности. № 1 (том XX). 2015.

А. Ф. РЕНКЕЛЬ

судэксперт-патентовед; журнал «Интеллектуальная собственность», обозреватель (115035, г. Москва, Раушская наб., д. 4; тел.: (495) 959-33-24)

ИННОВАЦИОННЫЙ ЭФФЕКТ ПЛАЦЕБО

Ключевые слова: патентование; патентное право; экономика знаний; плацебо; судебная практика; менеджер-производственник

Аннотация: Патентование – комплексная междисциплинарная наука о методах и средствах выявления, защиты с правовыми последствиями объектов промышленной собственности. Буржуазное патентно-лицензионное дело и исключительное право патентообладателя на изобретение действовало и развивалось при царизме 105 лет (1812–1917). На смену пришло советское изобретательское дело (1919–1991), а правообладателем изобретения стало государство. Сегодня патентное право восстановлено, но его премудростям даже генераторов идей не удосужились обучить. Разумеется, это вызывает и «анти-патентную полемику», и патентофобию.

В советских вузах не читали патентные проповеди. Вот «имеющие уши и не слышат», а на мировом рынке гражданской наукоемкой продукции доля России составляет всего лишь 0,3–0,5%, в то время как доля США – 36%, Японии – 30%. По

данным экспертов, Россия с 2000 г. в среднем теряет ежегодно 1,5 млрд долларов, которые могли бы поступать в казну в виде налогов и сборов от реализации продукции, охраняемой правом интеллектуальной собственности. И «вражеские санкции» здесь ни при чем!

России для выхода на уровень высокоразвитых стран необходим скачок в экономике, возможный только через совершенствование инновационной сферы. Сегодня в стране не хватает нормальных специалистов на всех уровнях, начиная с органов исполнительной власти и кончая субъектами малого бизнеса, – полагает руководство Роспатента. Нет, по сути дела, специалистов, которые не просто оказывают помощь в подготовке заявки, но и управляют экономикой через механизмы интеллектуальной собственности. Поднять пласт подготовки специалистов быстро не получится, потребуются годы. Образование в области ИС должно быть непрерывным: начинаться со школьной скамьи, продолжаться в период получения высшего образования и уже после окончания вуза. Увы, тут-то и есть неразрешимая проблема – не дают азы этой науки даже во Дворце юношеского творчества на Ленинских горах. Понятно, здесь есть отдел технического творчества, но отсутствует патентная составляющая. Кстати, только в одном из сотни вузов существует кафедра интеллектуальной собственности¹.

---

¹ Проблемы правового регулирования отношений в сфере правовой охраны и использования РИД, созданных за счет средств федерального бюджета: Материалы парла-

Многие из наших управленцев и думцев вышли из реформаторов-юристов, которые не слышат и не понимают технократов и каких-то там патентоведов. Беда в том, что высокопоставленные менеджеры не знают о том, что они не знают патентное право. Они зациклились на красивом слове «инновация», а о действительных новаторах – изобретателях и рационализаторах, их помыслах, знаниях и возможностях знать не хотят. Да и не могут: не изучали в вузах патентно-лицензионное право. В последнее время, правда, вместо слова «инновация» чиновники в своих опусах и докладах стали употреблять «экономика знаний». Сюда рационализация производства не входит, вообще поставлена вне закона¹.

На стыке тысячелетий эксперты пропагандируют «общество знаний», в котором знание станет четвертым фактором производства и будет важнее, чем земля, капитал и труд. Их девиз звучит: *«Без образования нет работы, без знаний нет шансов в условиях глобальной конкуренции»*. Сегодня именно производство знаний служит основным источником роста экономики в развитых странах. В Китае экономика знаний официально признана государственной стратегией. Ее приверженцы заучивают новую «цитату»: *«Основа экономики знаний – образование. В современном мире движущая сила экономики, конкуренция, все больше сводится к конкуренции знаний»*. Главной своей задачей госу-

---

ментских слушаний в СФ // Биржа интеллектуальной собственности. 2012. № 1.

¹ Ренкель А. Ф. Рационализация – вне закона? // Изобретательство. 2008. № 2.

дарство провозгласило организацию спроса на знания.

У нас в стране в последнее время тоже все больше говорят об экономике знаний. Однако до дела еще далеко, необходимо создать среду для развития экономики знаний. Нужны организационные, правовые, экономические меры (указание ст. 1355 ГК РФ). А также изменения в массовом сознании, которое надо ориентировать на то, что основное богатство России – в мозгах, а не в недрах. Как и обычная экономика, экономика знаний нуждается в измерениях. Один из основных показателей – число действующих патентов. Объективной информационной характеристикой этой области служит и число потребителей знаний.

Надо признать, что в целом культура манипулирования с объектами интеллектуальной собственности в России остается крайне низкой. Непонятно, как можно реформировать то, о чем не имеешь даже представления. Конечно, очередная концепция долгосрочного социально-экономического развития страны на основе ускоренного развития науки и высокотехнологичных производств внушает оптимизм. Только для начертания стратегии и тактики в области ИС нужно знать глобальное патентное право. Оно действует на планете Земля уже 400 лет!

На заре промышленной революции люди поняли, что тот, кто владеет изобретением, может иметь от него выгоду, и на защиту прав собственника инновации встал закон. Патент на изобретение – это контракт между изобретателем и обществом в лице его правительства. Патентоведы способствуют

заключению этого контракта. И стороны заключают соглашение: общество предоставляет изобретателю исключительное право на использование его технической новации в течение определенного срока, по истечении которого изобретение поступает в общее пользование.

Специалисты отмечают, что сегодня патентное законодательство и практика весьма сложны и ни один ученый или инженер не в состоянии знать все необходимое в этой области. Значение имеет постоянное изучение и знание судебной практики по патентным спорам¹. Во всех капиталистических странах она играет большую роль в осуществлении правовой охраны изобретений. Патентное ведомство США делает очень много для того, чтобы дух изобретательства, который сослужил Америке великую службу, не угас. В 1987 г. началась долгосрочная программа «Project XL», цель которой – знакомство молодежи с техническим творчеством на различных этапах обучения, а также судебная защита объектов ИС.

Стратегическая программа Японии – переход к нации, основанной на интеллектуальной собственности. С 2003 г. по всей стране организованы курсы, дающие основы ИС. Причем знания начинают «внедрять» в процессе детского и школьного воспитания. И это в современной стране – лидере в области технологических инноваций.

Руководители нашей страны хотят осуществить, говоря в терминах Мао, «большой скачок» в тех-

---

¹ Ренкель А. Ф. Изобретатели вершат историю—сахарную... // Право интеллектуальной собственности. 2014. № 1.

нико-технологическом развитии экономики России. Идея сама по себе неплоха, слишком долго состояние дел в этой отрасли оставляет желать много лучшего. Только здесь недостаточно доброжелательности и благонамеренности, необходимо знать хоть азы патентного права – сложнейшего юридического института.

Исследовательское естествознание в его сегодняшнем понимании было обосновано Галилео Галилеем (1564–1643). Этот ученый эпохи Возрождения изобрел телескоп и начал смотреть на звезды и наблюдать со складной линейкой в руках за движением предметов. Выявленные закономерности он мог сколько угодно воспроизводить с помощью экспериментов, что и по сей день является характерным признаком точной науки. Благодаря Галилею мир стал предсказуемым и, тем самым, управляемым. Галилей впервые предоставил свое познание светским властям, которые оплатили ему за это чистой монетой. Начался расцвет «прикладного знания», техники, и через сто лет после смерти Галилея Европа уже стояла на пороге индустриальной эпохи. В 1623 г. в Англии начал действовать первый патентный закон.

У правительства РФ нет «чистой монеты» и СМИ не выплачивают авторских гонораров. О действующем (ч. IV ГК РФ) авторском праве и выплате гонораров за публикации, тем более о патентном деле и праве редакторы СМИ, понятно, не имеют ни малейшего представления. Независимые публицисты, пишущие на патентно-экономические темы, испарились, рабский труд на ниве ИС не прижился. Поэтому об инновационной деятельно-

сти пресса не предоставляет действенного информационно-аналитического обеспечения ни исполнительной, ни законодательной, ни судебной властям. Журналистам-патентоведам приходится бороться с невежеством и предубеждениями, когда речь идет об освещении и интерпретации того, что называется «патентная культура». У противников изучения патентной науки в отечественных вузах всегда есть в запасе убийственный аргумент: оппонентов обвиняют в лоббировании интересов западных корпораций, получающих прибыль от приобретения-продажи и беспардонного использования чужих ОПС. «Вы агенты Запада!» – дальше спорить не о чем, противник повержен.

Так на инновационном пути образовалась объективная пробка – тотальная патентная безграмотность всех и вся. Именно она стопорит движение, ибо в советское время патентная наука (буржуазная!) не имела права существовать. Не изучалась и не применялась (не было «права на право»), а о корреляции ее постулатов с патентной судебной практикой и говорить не приходится. Не являлась патентная наука и связующим звеном в цепи «образование – исследование – производство», не входила в тренд вузовских рейтингов. Бытует шутка: *«От знания патентной науки еще никто не умирал, но рисковать не стоит».*

Как же технический прогресс влиял на развитие экономики страны? Вот что писала «Правда» 17 января 1980 г.: «Сейчас, пожалуй, мало найдется скептиков, готовых отрицать, что одним из важнейших критериев уровня новой техники служат число и значимость использованных при ее разра-

ботке изобретений. Именно они определяют степень совершенства не только новых, но и модернизируемых машин, приборов, оборудования, повышают их конкурентоспособность на мировом рынке.

Использование научно-технических достижений – процесс многостадийный, отдельные его этапы зависят друг от друга. Надо признать, что в цикле «исследование – изобретение – новая техника – производство» весьма важен непрерывный переход от одного этапа к другому.

Последовательность и ритмичность в этом деле достигаются с помощью соответствующего экономико-правового механизма, который, правда, еще далеко не всегда срабатывает достаточно четко. В министерствах и ведомствах предусмотрено создать единый фонд развития науки и техники для финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, вводятся разовые премии за разработку, освоение и массовый выпуск особо важных и высокоэффективных видов оборудования и машин. Это еще выше поднимет роль изобретательства, поскольку такие технические новшества можно создавать лишь на основе эффективных изобретений. Повысится ответственность и патентной экспертизы.

Одна из главных забот творцов новой техники – добиваться скорейшего внедрения научно-технических достижений, изобретений в производство. Задержки происходят не только по вине научных и конструкторских коллективов, а порой и из-за инертности промышленных предприятий, министерств и ведомств. Еще много лет назад в

ряде городов страны стали создавать хозрасчетные фирмы по внедрению изобретений и других научно-технических новшеств. За короткое время они завоевали широкую популярность. Однако из-за отсутствия четкого экономико-правового и финансового статуса большинство из них прекратило свое существование. Тем не менее, выдержавшие испытания временем убедительно демонстрируют целесообразность развития подобных организаций.

Вопреки установленному порядку, далеко не все предприятия и организации отчитываются перед статистическими органами о внедренных изобретениях. Ясно, что такая «забывчивость» чревата нарушением законного права авторов на вознаграждение.

Часты случаи лжесоавторства, когда подчиненные, «подыгрывая» своему начальнику или иному «нужному» человеку (например, лицу, причастному к последующему внедрению новшества), без оснований включают его в состав авторского коллектива. Встречается порой если не прямое, то косвенное вымогательство соавторства. Иные руководители, особенно научных и конструкторских подразделений, в короткий срок умудряются стать соавторами десятков изобретений.

Немало и других пробелов, затрудняющих правовое регулирование отношений в сфере изобретательства. Поэтому главное здесь – организация системного изучения патентного права в родных пенатах».

Прошу прощения за длинную цитату, но описанная ситуация злободневна и сегодня, три десятилетия спустя. А ведь написано было в период работы

Высших государственных курсов повышения квалификации руководящих, инженерно-технических и научных работников по патентоведению и изобретательству. Были такие в Советском Союзе.

Сегодня на практике люди с удивительным упорством уповают на эффект плацебо, установленный медиками. Он основывается на целенаправленном или неосознанном внушении врачом или экспериментатором, что определенный фактор (препарат, способ действий) должен привести к желаемому результату. Вера испытуемых или пациентов действительно может творить чудеса, хотя сам фактор никакого действия не играет. Сильнейшим фактором плацебо-эффектов является вера самих врачей и персонала в силу лекарств.

Говоря об актуальности проблем, связанных с несовершенством рынка интеллектуальной собственности, нельзя не упомянуть о вступлении России в ВТО, что значительно возвышает ценность эффективной системы управления интеллектуальной собственностью на всех уровнях деятельности: предприятия, отрасли, региона, страны. Понятно, заниматься делом должны профессионалы, которых в области управления инновациями и ИС крайне мало. Очевидно, для того чтобы рынок ИС был обеспечен специалистами, потребуется достаточно большой запас времени.

Конфуций отмечал: «Если стоять на холме с разинутым ртом, придется долго ждать, пока туда влетит жареная утка». Сегодня в России принимаются определенные меры по улучшению ситуации на рынке ИС: сформирован Суд по интеллектуальным правам, совершенствуется ч. IV ГК РФ, регу-

лирующая отношения в области использования и передачи объектов интеллектуальной собственности. Лед тронулся? Возможно, но думаю, что ледоход пока еще не начался – многочисленны патентные торосы на промерзшей инновационной реке. Понятно, видны они далеко не всем. Может, правительству следует от призывов-заклинаний и сбора патентных пошлин наконец-то перейти к растапливанию инновационного льда – хоть в рамках, предписанных ГК (2006)? Ведь Закон писан и для правительства!

Подготовленное квалифицированными юристами «суперстабильное» патентное законодательство – ч. IV ГК РФ – представляет собой дуршлаг из белых пятен и черных дыр, как свидетельствуют судебные разбирательства патентных споров. Законодательное оформление и реализация правовых норм – это не только вопрос знаний. Это вопрос жизненного опыта, и готовности изменить нормы поведения. Кстати, Гражданский кодекс в Германии вступил в силу в 1900 г. Но прошло 25 лет, прежде чем его поняли в вузах и стали реализовывать на практике.

В России необходимо выработать экстренные меры по ликбезу, пришло время всем изучить хотя бы азы патентной науки, посадить за парты студента, судью, академика, министра. У нас здесь есть опыт: в 1970-е – 1980-е годы в СССР работало свыше 250 университетов и общественных институтов ВОИР по изучению патентоведения и ТРИЗ. Опыт этот надо реанимировать, о чем в первую очередь должно позаботиться правительство, взимающее патентные пошлины. Альберт Эйнштейн в

течение 7 лет работал экспертом в Бюро духовной собственности Швейцарии. Он глубоко понимал существо патентной работы и предупреждал: *«Без знаний нельзя изобретать, как нельзя слагать стихи, не зная языка»*. Вот и перенаправить экономику страны на инновационный путь невозможно, если в России не знают, а потому не соблюдают патентные правила. Ни одной стране мира и никогда это не удавалось, считается утопией!

Для России, которая многие десятилетия лидировала по многим направлениям НТП, такое положение неприемлемо. Необходимо переломить негативную тенденцию, предпринять реальные шаги, способствующие переводу нашей экономики на инновационную модель развития. Миром правит интеллект. Производство не может развиваться без науки и связывающей их глобальной патентной системы. Инновационный эффект плацебо не превратит старый тарантас в «Порше», но даже «Порше» не сможет тронуться в путь с пустым бензобаком. Здесь, как и в автомобиле, кроме сверхновой модели необходимы еще запас горючего и водитель, знающий дорожные знаки, установленные на инновационном шоссе.

Самые умные люди сегодня учатся на «менеджера патентных знаний», который с помощью Интернета и компьютера отфильтровывает квинтэссенцию человеческих познаний в Патентной библиотеке и знает, как применять их на практике. О необходимости управления инновационным процессом, его финансированием догадываются менеджеры всех рангов и отраслей, но вопрос не снимается. Увы и ах, остается актуальным десятиле-

тиями. Поэтому основным показателем в программе инновационного развития ОАО «АК «ТРАНСНЕФТЬ» на период до 2017 г. является отношение объема финансирования НИОКР к выручке компании. Все тематики НИОКР перед включением в Сводный план с положительным результатом проходят многостадийную предварительную проработку с целью всестороннего анализа необходимости, целесообразности и возможности их выполнения. В 2014 г. получено 54 патента, заключено 5 лицензионных договоров на право использования объектов интеллектуальной собственности ОАО «АК «Транснефть» и ОСТ при серийном выпуске продукции сторонними контрагентами. По результатам ОКР, завершенных в 2014 г. специализированными заводами и ЦБПО организаций системы «Транснефть», в 2015 г. осваивается серийный выпуск восьми новых видов оборудования¹.

Совершенно очевидно, что одесское заклинание: *«уже сиди и не спрашивай вопросы...»* в плане внедренческой инновационной задачи теперь не приемлемо. Задачу наконец-то стали решать менеджеры-производственники, изучившие курс «патентное право», а не чистые патентоведы, никогда не внедрявшие инновации в производство. Успешный пример достигнут, дело за мудрыми последователями на всех уровнях инновационного менеджмента.

---

¹ Долгосрочная стратегия развития ОАО «АК «Транснефть» до 2020 года»: Стенограмма двенадцатого заседания Экспертного совета ОАО «АК «Транснефть». 15 января. 2015 г.

Патентную истину необходимо освободить от ее покровов. Программа изучения патентного права должна строиться с использованием материалов судебных дел, рассмотренных в России и за рубежом, а также тяжб в Палате по патентным спорам. Понятно, подробно освещенных СМИ с комментариями экспертов. Нужно безотлагательно издать тематический учебно-методологический сборник таких специфических дел.

Библиографический список:

1. Проблемы правового регулирования отношений в сфере правовой охраны и использования РИД, созданных за счет средств федерального бюджета: Материалы парламентских слушаний в СФ // Биржа интеллектуальной собственности. 2012. № 1.

2. *Ренкель А. Ф.* Рационализация – вне закона? // Изобретательство. 2008. № 2.

3. *Ренкель А. Ф.* Изобретатели вершат историю–сахарную... // Право интеллектуальной собственности. 2014. № 1.

4. Долгосрочная стратегия развития ОАО «АК «Транснефть» до 2020 года: Стенограмма двенадцатого заседания Экспертного совета ОАО «АК «Транснефть». 15 января 2015 г.

Н. Н. ДОВНАР

Белорусский государственный университет, Институт журналистики, доцент кафедры медиалогии и веб-журналистики, кандидат юридических наук (220030 г. Минск, ул. Кальварийская, д. 9; тел: +375 17 2597025)

БЕЗОПАСНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СМИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: глобализация; международная информационная безопасность; угрозы; информационная безопасность; деятельности СМИ

Аннотация: В статье анализируется понятие «международная информационная безопасность», на основе сравнительного анализа международных соглашений, доктринальных и концептуальных документов обозначаются основные угрозы в информационной сфере, обосновывается необходимость общего подхода к терминологическому аппарату в документах, которые касаются информационной безопасности, обращается внимание на понятие информационной безопасности деятельности СМИ в контексте международной информационной безопасности.

Глобализация информационного пространства тесно связана с развитием и распространением информационно-коммуникационных технологий

(ИКТ), которые коренным образом меняют многие сферы жизнедеятельности социума, дают новые возможности профессиональной деятельности акторам инфосферы, требуют иные подходы к их взаимодействию. Как отмечают исследователи, «интенсивное развитие новых информационных технологий придает принципиально новое качество трансграничному информационному обмену и становится движущей силой экономических, социальных изменений в мире. Оно же оказывает значительное влияние на отношения между как отдельными лицами, так и странами на мировом уровне»¹. Окинавская Хартия глобального информационного общества подтвердила приверженность к принципу участия в процессе, где все люди повсеместно, без исключения должны иметь возможность пользоваться преимуществами глобального информационного общества, а его устойчивость основывается на стимулирующих развитие человека демократических ценностях, таких как свободный обмен информацией и знаниями, взаимная терпимость и уважение к особенностям других людей; выразила намерение осуществлять руководство в продвижении усилий правительств по укреплению соответствующей политики и нормативной базы, стимулирующих конкуренцию и новаторство, обеспечению экономической и финансовой стабильности, содействующих сотрудничеству по оптимизации глобальных сетей, борьбе со злоупотреблениями, которые подрывают целост-

---

¹ *Виноградова С. М., Мельник Г. С.* Проблемы преодоления неравенства в международном информационном обмене // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30). С. 244.

ность сети, по сокращению разрыва в цифровых технологиях, инвестированию в людей и обеспечению глобального доступа и участия в этом процессе¹.

Однако помимо новых возможностей глобализация несет и новые вызовы, и ставит, соответственно, новые задачи по обеспечению безопасного функционирования государственных и общественных образований, безопасности отдельной личности. При этом речь идет о многоуровневой системе обеспечения в центре которой находятся и те институты, которые непосредственно связаны с информацией, ее производством и распространением. Ученые, рассматривая информационную безопасность как базовый элемент системы национальной безопасности страны, выделяют три уровня обеспечения: отраслевой, национальный и международный². Об этом свидетельствуют и ряд документов национального уровня (имеющих стратегический характер).

Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 г. (утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 09 августа 2010 г., № 1174) приоритетными направлениями деятельности в области регулирования отношений в информационной

---

¹ Хартия глобального информационного общества была подписана 22 июля 2000 г. лидерами стран «большой восьмерки» (Окинава).

² *Бачило И. Л., Бондуrowsкий В. В., Вус М. А., Макаров О. С.* О совершенствовании и гармонизации национального законодательства государств-участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности // Информационное право. 2013. № 1. С. 24-27.

сфере считает обеспечение информационной безопасности государства, юридических и физических лиц, обеспечение взаимодействия с другими государственными и международными организациями по вхождению в глобальное информационное пространство. Обеспечение национальной безопасности в информационной сфере – одна из важнейших задач, определенных Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации от 07 февраля 2008 г., № ПР-212). Стратегия сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в построении и развитии информационного общества на период до 2025 г. (Решение Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 28 сентября 2012 г.), имея целью объединение усилий и обеспечение эффективного взаимодействия при использовании ИКТ для повышения качества жизни граждан, развития экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствования системы государственного управления, одним из основных направлений сотрудничества считает обеспечение информационной безопасности.

Параметрам обеспечения информационной безопасности должна отвечать и деятельность СМИ. При этом, процессы глобализации и существующее в этом контексте международное сотрудничество, обязывает вести ее в рамках международной информационной безопасности, в багаже которой целый ряд правовых категорий и понятий, позволяющих познать реальные правовые отношения от

первого до третьего уровня, спрогнозировать результаты деятельности, выявить причинно-следственные связи в отношениях между различными субъектами, существующие проблемные зоны и т. д.

Очень часто, пройдя определенный путь в науке, понятия приобретают практическую направленность и оказываются в понятийном аппарате нормативного правового акта или становятся основой стратегических документов, которые, определяя цели, задачи, механизмы правового регулирования общественных отношений, государственную политику, по сути раскрывают сущность и содержание понятия. Примером может служить понятие «международная информационная безопасность», содержащееся в таком документе как «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 г.» (далее – Основы)¹.

Под международной информационной безопасностью в Основах понимается такое состояние глобального информационного пространства, при котором исключены возможности нарушения прав личности, общества и прав государства в информационной сфере, а также деструктивного и противоправного воздействия на элементы национальной критической информационной инфраструктуры» (п. 6). Понятие имеет логически вы-

---

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года были утверждены Президентом Российской Федерации 24 июля 2013 г., № Пр-1753.

держанное содержание, элементы которого вполне соотносятся с понятием информационной безопасности в других документах.

В национальных законодательствах России и Беларуси информационную безопасность чаще всего определяют как состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере. В правоведении это понятие принято раскрывать через целый ряд других: «безопасность», «национальная безопасность», «национальные интересы», «интересы личности, общества и государства», «угрозы», «источники угроз». Они имеют место и в понятии «международная информационная безопасность», только сказаны другими словами и представлены в другой конфигурации. В итоге, понятие, во-первых, расширяет сферу регулирования: речь идет о глобальном информационном пространстве; во-вторых, ведет речь о правах личности, общества и прав государства в информационной сфере (в национальных законодательствах речь идет об интересах личности, общества и государства), а также об информационной инфраструктуре; в-третьих, состояние защищенности дает через понятие «исключены возможности нарушения прав, деструктивного и противоправного воздействия», что по сути определяет состояние, когда отсутствуют угрозы.

Международная информационная безопасность – термин – понятие, расшифровку которого следует проводить с учетом имеющейся терминологической триады: «безопасность – национальная безопасность – информационная безопасность», по-

сколькo структурно-смысловая модель термина, представляющего собой словосочетание, аккумулирует в себе не только функциональное назначение, связанное с международной коммуникацией, но и специальные знания в сфере информационной безопасности. Тогда, например, становится ясно, что в содержание «международная информационная безопасность» входит и понятие «угрозы» (несмотря на то, что оно дается отдельно). В вышеуказанном документе (Основы) определена основная угроза, связанная с информационными и коммуникационными технологиями, когда те используются: а) в качестве информационного оружия в военно-политических целях, противоречащих международному праву, для осуществления враждебных действий и актов агрессии, направленных на дискриминацию суверенитета, нарушение территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности и стратегической стабильности; б) в террористических целях, в том числе для оказания деструктивного воздействия на элементы критической информационной инфраструктуры, а также для пропаганды терроризма и привлечения к террористической деятельности новых сторонников; в) для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, нарушения общественного порядка, разжигание межнациональной, межрасовой и межконфессиональной вражды, пропаганды расистских и ксенофобских идей или теорий, порождающих ненависть и дискриминацию, подстрекающих к насилию; г) для совершения преступлений, в том числе связанных с неправомерным до-

ступом к компьютерной информации, с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ. Таким образом, документ определяет основные направления, содержащие потенциальные угрозы: военно-политических сфера, террористическая деятельность, вмешательство во внутренние дела суверенных государств, нарушение общественного порядка, разжигание межнациональной, межрасовой и межконфессиональной вражды, пропаганда расистских и ксенофобских идей или теорий, порождающих ненависть и дискриминацию, подстрекающих к насилию; киберпреступность. Данный перечень угроз открытый, поэтому объем и содержание понятия можно дополнять, используя другие источники. Например, международные документы, которые расширяют его через категорию сотрудничество¹.

Среди таких документов стоит выделить: Концепцию сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения информационной безопасности (Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств, 10 октября 2008 г.) (далее Концепция), Соглашение между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества «О сотрудничестве в области обеспечения международной информационной без-

---

¹ Подробнее о развитии законодательства в области обеспечения международной информационной безопасности см.: *Полякова Т. А., Акулова Е. В.* Развитие законодательства в области обеспечения информационной безопасности: тенденции и основные проблемы // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2015. № 3. С. 4–17.

опасности» (заключено в г. Екатеринбурге 16 июня 2009 г.), Соглашение Совета глав правительств Содружества Независимых Государств о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности (заключено в г. Санкт-Петербурге 20 ноября 2013 г.), Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации «О сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности» (заключено в г. Москве 25 декабря 2013 г.). Все вышеуказанные документы содержат понятие «информационная безопасность» и перечень угроз. При этом стоит обратить внимание, что после принятия соглашения между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества этот перечень демонстрирует стремление к единообразному подходу к понятию. Вероятно, это связано с Рекомендациями по совершенствованию и гармонизации национального законодательства государств-участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности, утвержденные постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых государств от 23 ноября 2012 г. (далее Рекомендации). Рекомендации явились результатом поиска ученых в области информационного права¹ и

---

¹ Рекомендации по совершенствованию и гармонизации национального законодательства государств-участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности были разработаны коллективом специалистов из Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации

направлены на установление общих подходов государств-участников СНГ к правовому регулированию обеспечения информационной безопасности, укреплению и обеспечению сбалансированности национальных правовых систем в условиях информатизации общества, на развитие международного информационного обмена, обеспечение безопасности информационных условий экономического и таможенного сотрудничества, на стимулирование использования информационно-коммуникационных технологий в социальной и культурной сфере. В Рекомендациях отмечается, что в свете решения указанных задач исключительно важным является вопрос проработки и однозначного толкования правовых дефиниций для сферы информационной безопасности. Принятый документ был направлен в парламенты государств-участников Межпарламентской Ассамблеи СНГ и рекомендован для использования в национальном законодательстве.

Возвращаясь к содержанию понятия «информационная безопасность», обратим внимание, что перечень угроз в соглашениях почти полностью базируется на перечне, содержащемся в Концепции (имеет лишь несколько иное их описание), и расширяется только за счет нескольких, но существенных угроз, таких как разработка и применение информационного оружия и ведение информационной войны. Но уже в концепции Конвенции международной информационной безопасности,

---

РАН, ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь» и Института государства и права РАН.

предложенной Российской Федерацией, над которой в настоящее время идет работа, угрозы обозначены намного шире. В их числе: психологическая обработка населения, дестабилизирующая общество, манипулирование информационными потоками в информационном пространстве других государств, деформация и сокрытие информации с целью искажения психологической и духовной среды общества, эрозия традиционных культурных, нравственных, этических и эстетических ценностей.

Кроме того, отмечены дополнительные факторы, усиливающие опасность угроз: неопределенность в идентификации источника враждебных действий, особенно с учетом возрастающей активности отдельных лиц, групп и организаций, включая преступные организации, которые выполняют посреднические функции в осуществлении деятельности от имени других; потенциальная опасность включения в информационно-коммуникационные технологии недекларируемых деструктивных возможностей; различия в степени оснащенности информационно-коммуникационными технологиями и их безопасности в разных государствах («цифровое неравенство»); различия в национальных законодательствах и практике формирования безопасной и быстро восстанавливающейся информационной инфраструктуры.

Что означает появление документов с иным перечнем угроз тогда, когда идея о необходимости гармонизации терминологии в сфере информаци-

онной безопасности получает распространение?¹ Представляется, что влияет на этот процесс как минимум два обстоятельства: новые вызовы и угрозы, которые несет в себе глобализация, и особенности терминологического аппарата информационной безопасности.

Рассмотрим последний тезис подробнее. Понятийный аппарат регулятора отношений, носящих многоуровневой характер, порой бывает сложным, понятия могут иметь множество конструктивных элементов, от чего зависят их объем и содержание. Иногда эти понятия, не проявляя какой-то элемент (в качестве знака «собственного понятия»), могут коррелировать с другими понятиями и иметь вместе с ними единое содержание. Поэтому, рассматривая понятие «информационная безопасность» с этой точки зрения, сделаем предположение, что его можно охарактеризовать как сложное (сложно-составное) с двумя основными составляющими, когда одна является константой (имеет неизменное значение), другая – переменной составляющей. Константой в данном случае будет «состояние защищенности», а переменной – угрозы. Все остальные составляющие (элементы понятия) могут также носить переменный характер в зависимости от контекста социальной практики (например, состояние защищенности может касаться ин-

---

¹ См.: Рекомендации по сближению и гармонизации национального законодательства государств-членов ОДКБ в сфере обеспечения информационно-коммуникационной безопасности, утв. постановлением Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности от 27 ноября 2014 г. № 7-6.

тересов, прав и свобод, общественного и индивидуального сознания и т. д.).

При таком подходе к понятию, конечно, необходим четко выверенный перечень угроз, который облегчает поиск методов и способов их предотвращения и нейтрализации, как на национальном, так и на международном уровне. Как известно, в системе противодействия угрозам большое значение придается механизму правового регулирования, который, в свою очередь, требует четкого определения предмета регулирования. Термины и определения – основа смысловой направленности регулятивного воздействия и определения предметного поля. Идеальный вариант – единый нормативный акт, который определяет предмет регулирования в полном объеме, однако вряд ли это возможно в существующих условиях. В мировом пространстве в последнее время новые вызовы и угрозы возникают так часто, что регулятор еле успевает осознать их и переводить в область права, принимать новые международные соглашения, в которых обозначаются выявленные угрозы. Когда речь идет об угрозах личности, обществу и государству, даже хорошо, что терминологический аппарат является динамичной системой и имеет свойство оперативно отзываться на изменения в среде. Однако при достаточно большом количестве источников права понятиями становится трудно оперировать, что сказывается на самой системе обеспечения информационной безопасности, в том числе и международной¹. Представляется, что ре-

---

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной без-

шение проблем понятийного аппарата может быть найдено в различных видах систематизации законодательства, а также в создании словарей-справочников, о которых говорят исследователи информационного права¹. Толкование различных понятий поможет с помощью грамматических и стилистических характеристик глубже раскрыть дефиницию информационной безопасности в различных сферах, чтобы затем иметь возможность использовать их как термины – названия.

Общие подходы к правовому регулированию обеспечения информационной безопасности имеют большое значение и в регулировании деятельности отдельных акторов, в частности, СМИ. В данной связи, отметим один момент, который следует учитывать, разрабатывая модели правового регулирования данного социального института в контексте международной информационной безопасности. Уже давно замечено, что контекст доктринальных, концептуальных документов, если

опасности на период до 2020 года под такой системой понимают совокупность международных и национальных институтов, призванных регулировать деятельность различных субъектов глобального информационного пространства. При этом сотрудничество в области формирования системы международной информационной безопасности должно отвечать национальным интересам и способствовать укреплению ее национальной безопасности.

¹ *Бачило И. Л., Бондуровский В. В., Вус М. А., Макаров О. С. О совершенствовании и гармонизации национального законодательства государств – участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности // Информационное право. 2013. № 1.*

речь идет об информационной безопасности, в большей степени связан с технической стороной (ИКТ, защитой информации). Гуманитарную составляющую, которая присутствует в отдельных положениях, иногда можно увидеть, только привлекая дополнительный ресурс: приемы толкования (грамматическое, логическое, функциональное, историко-политическое). К ним следует прибегать и в других случаях: устанавливая взаимосвязь понятийного аппарата международной информационной безопасности и информационной безопасности деятельности СМИ, рассматривая понятие «угрозы».

Давая определение информационной безопасности деятельности СМИ, мы исходим из того, что данный феномен можно определить, с одной стороны, как состояние защищенности самих СМИ, когда они имеют все возможности выполнять присущие им функции, а с другой, – как состояние защищенности интересов личности, общества и государства, когда СМИ не создают угрозы, связанные с распространением «вредной» информации. Исходя из этого определения, классифицировать угрозы можно, как минимум, на четыре вида.

1) угрозы функциональному назначению СМИ как институту информационного обеспечения демократии. Эти угрозы могут быть связаны с монополизацией СМИ, цензурой, слабым механизмом реализации права на доступ к информации и права на распространение и использование информации; недостаточной разработанностью нормативной правовой базы, регулирующей отношения в информационной сфере, недостаточно устойчивой

правоприменительной практикой; слабым учетом требований информационного порядка всеми участниками информационных отношений: отсутствием осознания роли СМИ в жизни общества и государства, необходимости соблюдения принципов плюрализма и толерантности; правоприменительной практикой, отличающейся неравным отношением к субъектам массовой информации при выполнении ими своих функциональных обязанностей по сбору, хранению и распространению информации; отсутствием контрольных механизмов за деятельностью СМИ со стороны гражданского общества и др.;

2) угрозы, связанные с малой степенью защищенности компонентов ИКТ. Сегодня технологическая составляющая СМИ – основа деятельности не только теле- и радиовещания, но и печатных изданий, интернет-СМИ;

3) угрозы интересам личности, общества и государства, которые могут исходить со стороны СМИ: связанные с распространением информации, способной причинить вред («вредной» информации); с нарушением прав интеллектуальной собственности, с манипулированием информацией (дезинформация, сокрытие или искажение информации); с воздействием на психику человека и др.;

4) угрозы со стороны пользователей информации (они могут зависеть от психологических характеристик: личностных особенностей, особенностей восприятия информации, внушаемости и др.).

Осознание того, что деятельность СМИ может быть связана с угрозами, актуализирует поиск путей их предотвращения, нейтрализации с опорой

на международные стандарты, выполнение которых способствует созданию условий, требующихся для их безопасного функционирования.

Следует заметить, что международные стандарты в области СМИ не являются порождением сегодняшнего дня, когда «балом правит» глобализация. Еще Великая французская революция 1789 г., провозглашая свободу слова, одновременно утверждала мысль о возможности ее ограничения. На современном языке это звучит как условие ее безопасного функционирования. В XX в., получив свое научное и философское обоснование, эта мысль легла в основу международных документов, закрепляющих права и свободы человека. Стало общепризнанным, что свободное изложение взглядов и убеждений – естественное для человека состояние, право, без которого невозможна нормальная жизнедеятельность общества.

Всеобщая декларация прав человека утверждает: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободно искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Свое развитие свобода слова нашла и в других международных документах.

Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, документы региональных международных организаций, имея небольшие расхождения в терминологии, дают аналогичную трактовку свободы слова. При этом

все они содержат случаи и условия ее ограничения.

Иными словами, международные документы устанавливают одни и те же стандарты в области свободы слова. И это неудивительно, т. к. все они имеют одни мировоззренческие корни – теорию естественных прав человека, воплотившуюся во французской Декларации прав человека и гражданина и в американском «Билле о правах». А с учетом того, что и западноевропейская и североамериканская доктрины прошли путь от либерального максимализма к признанию социальной ответственности, общие черты имеют и нормы, устанавливающие пределы прав и свобод.

Большое внимание свободе слова уделяют и современные международные документы. Резолюции Парламентской Ассамблеи Совета Европы, Европейских конференций министров по политике в области СМИ помогают правительствам, обществу осознать значимость свободы слова и такого социального института, как СМИ, а журналистам, в свою очередь, осознать свой статус и ту ответственность, которую они несут перед обществом. Среди таких документов принципиальное значение имеют: Декларация о свободе выражения мнения и информации (1982), декларация, резолюции и постановления четвертой Европейской конференции на уровне министров по проблемам в области средств массовой информации «Средства массовой информации в демократическом обществе» (1994). Так, Резолюция № 2 «Журналистские свободы и права человека» закрепила принципы реализации журналистских прав и свобод, один из которых

напоминает, что ограничение свободы слова возможно только при наличии определенных условий:

- в случаях, предусмотренных в п. 2 ст. 10 Европейской конвенции по правам человека;

- ограничения должны быть необходимыми в демократическом обществе и отвечать настоящей общественной потребности;

- они должны быть предусмотренными законом и ясно и точно сформулированными;

- интерпретироваться узко;

- быть пропорциональными цели, преследуемой такими ограничениями.

Другой принцип подчеркивает: в своей деятельности журналисты должны уважать права человека в получении достоверной информации о фактах и событиях; собирать информацию честными способами; честно представлять информацию, комментарии и критику, избегать неоправданных покушений на частную жизнь, диффамацию и необоснованные обвинения; исправлять ошибки, допущенные в распространенной информации; сохранять в тайне источники информации; не поощрять любое насилие, ненависть, нетерпимость или дискриминацию.

Политическая декларация 5-ой Европейской конференции министров о политике в области средств массовой информации (1997), ссылаясь на обязательство (взятое на себя главами государств и правительств на 2-м саммите Совета Европы в Страсбурге 10–11 октября 1997 г.) вести поиск общих ответов на проблемы, связанные с развитием новых информационных технологий, предложила План действий по развитию свободы слова и

информации на общеевропейском уровне в рамках информационного общества, среди которых указаны и действия, касающиеся ненадлежащего использования новых технологий и новых коммуникационных и информационных служб.

Важное значение имеют Декларация комитета министров Совета Европы «О свободе политической дискуссии в СМИ» (2004), Декларация комитета министров Совета Европы «О свободе выражения мнений и информации в СМИ в контексте борьбы с терроризмом» (2005).

ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе неоднократно обращалась к проблемам деятельности СМИ (Документ Московского совещания по человеческому измерению СБСЕ (1991), Решение Будапештского саммита СБСЕ (1994), Хартия европейской безопасности ОБСЕ (1999) и др.).

Нормы международных документов¹ универсальны, а атрибутивные свойства информации позволяют использовать их в различных областях знаний, видах деятельности, в том числе и при формировании системы международной информационной безопасности на двустороннем, многостороннем, региональном и глобальном уровнях, что будет способствовать созданию механизмов международного сотрудничества, условий противодействия (нейтрализации) угрозам в информационной сфере, в том числе и в сфере СМИ.

---

¹ См.: Международно-правовые документы в области средств массовой информации / Сост. Н. Н. Довнар. Минск: Мадисонт, 1999.

Библиографический список:

1. *Виноградова С. М., Мельник Г. С.* Проблемы преодоления неравенства в международном информационном обмене // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30).

2. *Бачило И. Л., Бондуrowsкий В. В., Вус М. А., Макаров О. С.* О совершенствовании и гармонизации национального законодательства государств – участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности // Информационное право. 2013. № 1.

3. *Кучерявый М. М.* Информационное измерение политики национальной безопасности России в условиях современного глобального мира: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. СПб, 2014.

4. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года // <http://www.scrf.gov.ru>

5. Концепция сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения информационной безопасности: Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств, 10 октября 2008 г. // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 2008. № 2(32).

6. Соглашение между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (заключено в г. Екатеринбурге 16 июня 2009 г.) // Бюллетень международных договоров. 2012. № 1.

7. Стратегия сотрудничества государств-участников СНГ в построении и развитии информационного общества и Плана действий по ее реализации на период до 2025 года». (принято в г. Ялта 28 сентября 2012 г.) // Сведений об опубликовании документа нет.

8. Соглашение Совета глав правительств Содружества Независимых Государств «Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности» (заключено в г. Санкт-Петербурге 20 ноября 2013 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2014. 24 июля. № 3/3032.

9. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации «О сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности» (заключено в г. Москве 25 декабря 2013 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2015. 13 января. № 3/3080.

10. Концепция Конвенции международной информационной безопасности // <http://www.scrf.gov.ru>

11. Рекомендации по совершенствованию и гармонизации национального законодательства государств-участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности, утв. постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых государств от 23 ноября 2012 г. № 38-20.

12. Рекомендации по сближению и гармонизации национального законодательства государств-членов ОДКБ в сфере обеспечения информацион-

но-коммуникационной безопасности, утв. постановлением Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности от 27 ноября 2014 г. № 7-6.

М. И. ГРИЩЕНКО

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Юридический институт, аспирант кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики (236041, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14; тел.: (401) 259-55-95)

**ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ
ПРИ РАССМОТРЕНИИ СПОРОВ
ПО ВОПРОСАМ ОБЪЕКТОВ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ.
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Ключевые слова: медиация; криминалистика; объекты интеллектуальных прав; примирение сторон; гражданский процесс; мировое соглашение

Аннотация. В данной статье проанализировано современное законодательство сфере защиты интеллектуальных прав граждан и юридических лиц. В рамках юридического и научного анализа норм права России, норм международного права, судебной практики и научных основ института защиты интеллектуальных и авторских прав, в купе с институтом медиации предлагается внедрить в рамки правоприменения защиты интеллектуальных и авторских прав механизмы примирения сторон с участием посредников-медиаторов. Это продиктовано возросшей ролью гуманизма общественных отношений, уменьшения градуса агрессивности, а также внедрение в судопроизводство институтов

восстановительного правосудия и различных внесудебных форм разрешения конфликтов. Реализация принципов целесообразности, восстановительного правосудия и внесудебных форм разрешению юридических конфликтов возможно в рамках различных общественных отношений и институтов, как гражданского права и процесса, так и уголовного права, и судопроизводства. Особую роль в развитии защиты интеллектуальных прав, а также превентивных мер от незаконного использования авторских прав несут механизмы примирения с участием посредников. В частности, в данной статье рассматриваются как гражданско-правовые, так и уголовно-правовые отношения в сфере реализации и защиты интеллектуальных прав. В работе дана общая характеристика механизмов разрешения споров по вопросам объектов интеллектуальных прав с применением процедуры медиации. Раскрыта процедура медиации в аспекте ее правоприменения в ряде иностранных государств, а также возможности ее использования в современном российском правоприменении. Проанализированы нормы гражданского, уголовного и процессуального законодательства, в рамках защиты интеллектуальных прав. Кроме того, представлена характеристика видов медиативных процедур, а также рассмотрены тактические аспекты их применения.

В последнее время все большую роль в гражданском обороте набирают интеллектуальные права, как объекты гражданских прав. Это продиктовано

возрастающей ролью информационных технологий, важностью скорости процесса передачи информации, процесса перехода в постиндустриальную фазу развития человеческой цивилизации.

В XXI веке важную роль в развитии человеческих отношений играет возможность быстро и оперативно разрешать конфликты между индивидуумами. Это продиктовано скоростью общественно-политических и социальных процессов, а также возросшей роли права, как единого источника разрешения споров или различного рода конфликтов. Конфликты, между гражданами имеют специфическую структуру и необходимо отметить, что по своей юридической природе весьма часто пересекаются. Так, обычный гражданско-правовой конфликт по вопросу интеллектуальных прав может перерасти в глубокий уголовно правовой деликт. Это обусловлено возрастающей ролью объектов интеллектуальных прав, как реального источника материальных благ.

В силу ст. 1225 ГК РФ, результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью), являются: произведения науки, литературы и искусства; программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ); базы данных; исполнения; фонограммы; сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания); изобретения; полезные модели; промышленные образцы; селекционные до-

стижения; топологии интегральных микросхем; секреты производства (ноу-хау); фирменные наименования; товарные знаки и знаки обслуживания; наименования мест происхождения товаров; коммерческие обозначения¹. Однако, хотя, законом, а именно ч. 2 ст. 1225 ГК РФ, а также ст.ст. 1237, 1253, 1300, 1301, 1311, 1472, 1515, 1537 ГК РФ, ст.ст. 7.12, 14.10 КоАП РФ² и ст.ст. 146, 147, 180 УК РФ³ результаты интеллектуальной собственности охраняются законом и государством, это не останавливает деликтов административных и уголовных правонарушений. По данным статистики, в последнее время значительно снизилось количество лиц, привлекаемых к административной ответственности за нарушения законов об охране интеллектуальной собственности, авторских и смежных прав. По постановлениям прокуроров в 2008 г. – привлечено 2001 лицо, в 2009 г. – 1574. Постепенно получает развитие и институт уголовно-правовой ответственности за нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК). Ежегодно в нашей стране регистрируется около 7 тыс. преступлений этой категории⁴.

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Паламарчук А. В. Защита исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности в сети Интернет // Законность. 2010. № 7. С. 16–18.

Конфликты, в результате споров по вопросу собственности объектов интеллектуальных прав, несут в себе как гражданско-правовую, так и уголовно правовую природу. Так в силу ст. 146 УК РФ, присвоение авторства (плагиат), если это деяние причинило крупный ущерб автору или иному правообладателю, – наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до шести месяцев. Незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта, совершенные в крупном размере, – наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака», при установлении факта нарушения авторских прав путем присвоения ав-

торства (плагиата), предусмотренного ч. 1 ст. 146 УК РФ, следует отметить, что указанное деяние может состоять, в частности, в объявлении себя автором чужого произведения, выпуске чужого произведения (в полном объеме или частично) под своим именем, издании под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имени¹.

Кроме того, в силу ст. 7.12 КоАП РФ незаконное использование изобретения, полезной модели либо промышленного образца, разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели либо промышленного образца до официального опубликования сведений о них, присвоение авторства или принуждение к соавторству – влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей; на должностных лиц – от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на юридических лиц – от тридцати тысяч до сорока тысяч рублей. Так же ряд статей вышеуказанного нормативно правового акта несут в себе административную санкцию за незаконное использование объектов интеллектуальных прав.

Важно отметить, что форма и способы защиты гражданских прав весьма специфичны, хотя и не отличаются от традиционных форм защиты граж-

---

¹ Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // СПС «Консультант-Плюс».

данских прав. Это продиктовано специальным объектом, который не всегда несет в себе материальную или физическую составляющую. Как правило, во многих случаях это просто информация, записанная на информационный носитель, или на бумаге.

Несмотря на это, важно отметить, что реальная общественная опасность от вышеуказанных нарушений законов не слишком высока, хотя, порой, фактическая стоимость объектов интеллектуальной деятельности может быть весьма существенной. В данном контексте необходимо применять механизмы восстановительного правосудия, основанные на принципах целесообразности уголовного, административного, арбитражного и гражданского процессов. На практике, более резонно применять медиативные процедуры или саму процедуру медиации, в целях ускоренного, оперативного и мирного разрешения споров и конфликтов по результатам интеллектуальной деятельности субъектов гражданского оборота.

При правоприменительной практике разрешения конфликтов, связанных с ненадлежащим использованием объектом интеллектуальных прав, важно создавать и приводить в практику качественный результат разрешения конфликта. Порой, не всегда суд, как источник разрешения спора, может создавать благоприятные условия для урегулирования спора или конфликта. Это связано с проблемными аспектами исполнительного производства. В виду вышеизложенного, следует отметить, что разрешение конфликтов, путем применения медиации, как альтернативной формы разрешения спора, дает

важные импульсы не только к развитию правоприменения, но и создает условия для улучшения инвестиционного климата. Если обратиться к данному аспекту, то следует отметить, что 16 декабря 2011 г. на заседании министерской конференции Всемирной торговой организации, Российская Федерация подписала Протокол о присоединении к ВТО. Также был утвержден и пакет документов, включая обязательства по доступу на рынок интеллектуальной собственности. Россия официально была принята во Всемирную торговую организацию, членства в которой добивалась с 1993 г. Ратификация пакета документов о вступлении в ВТО состоялась 21 июля 2012 г. 21 июля Президент России В. В. Путин подписал Федеральный закон «О ратификации Протокола о присоединении РФ к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» Этим Протоколом оформилось членство РФ во Всемирной торговой организации. Ратификационный Закон был принят Государственной Думой 10 июля 2012 г. и одобрен Советом Федерации 18 июля¹.

«Одним из краеугольных камней процесса присоединения РФ к ВТО явилось согласование правовых механизмов охраны объектов интеллектуальной собственности и отдельных нормативных положений по охране интеллектуальных прав. Со-

---

¹ Федеральный закон от 21 июля 2012 № 126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» // СПС «КонсультантПлюс».

временный высокий уровень охраны интеллектуальной собственности на международно-правовом уровне был задан, в свою очередь, Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), являющимся неотъемлемой частью пакета соглашений по присоединению к ВТО.

В результате согласований право интеллектуальной собственности (IV часть Гражданского кодекса РФ систематизировала регламентацию прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации с 2008 г.) на момент вступления РФ в ВТО в целом соответствовало правилам ВТО, а именно положениям Соглашения ТРИПС, хотя остались определенные терминологические и непосредственно регулятивные разночтения. Акцент при корректировке российского законодательства, в свою очередь, был сделан на ужесточении борьбы с контрафактом, а также на изменении правил свободного использования произведений с усилением ответственности, в том числе пользователей, осуществляющих неправомерное использование произведений, находящихся в свободном доступе»¹.

Во многом, важно полагать, что улучшение инвестиционного климата, неразрывно связано с качеством национального правосудия, системы работы правоохранительных органов и возможности применения альтернативных способов разрешения

---

¹ *Шахназаров Б. А.* Государственное регулирование оборота объектов интеллектуальной собственности в условиях членства России в ВТО и Таможенном союзе // Юридический мир. 2013. № 12. С. 51–57.

споров, без применения механизмов государственного надстороннего участия. В виду этого, при разрешении споров связанных с использованием объектов интеллектуальных прав, необходимо применять альтернативные способы разрешения конфликтов.

В законодательстве Российской Федерации, существует качественная правовая основа для применения вышеуказанных медиативных процедур.

В силу ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», медиация представляет собой, альтернативную процедуру урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора. Кроме того, в данном нормативно правовом акте, указано, что процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора¹.

Согласно ст. 172 ГПК РФ Рассмотрение дела по существу начинается докладом председательствующего или кого-либо из судей. Затем председательствующий выясняет, поддерживает ли истец свои требования, признает ли ответчик требования истца и не желают ли стороны закончить дело за-

---

¹ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СПС «КонсультантПлюс».

ключением мирового соглашения или провести процедуру медиации¹.

Кроме того, процедура медиации допускается и при рассмотрении спора третейским судом. В силу ст. 6.1 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», применение процедуры медиации допускается на любой стадии третейского разбирательства².

Важно учитывать и иностранный опыт, и практику применения медиации при разрешении различного рода конфликтов. Например, в США с помощью медиации регулируется почти 75% споров, поскольку судебная процедура слишком дорога и продолжительна по времени. Распространение медиации способно реально облегчить работу судов, снизив количество судебных дел³.

Статистика Центра арбитража и медиации при Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO Arbitration and Mediation Center) может послужить примером для демонстрации ситуации с доменными конфликтами в целом. Так, с 2004 по 2007 г. количество доменных споров, рассматриваемых и разрешаемых данным Центром в

---

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ *Ананьева Е.* Медиация. Что это такое? // Интеллектуальная собственность. Авторские и смежные права. 2004. № 9.

год, увеличилось с 1176 до 2156 (практически в 2 раза)¹.

Возрастающую роль альтернативных способов разрешения конфликтов признают, как властные органы, так деловое сообщество России. В виду этого, в программе подготовки медиаторов, утвержденной Приказом Минобрнауки РФ от 14 февраля 2011 г. № 187 «Об утверждении программы подготовки медиаторов» зарегистрированной в Минюсте РФ 01 марта 2011 г. № 19973 существует модуль «Особенности применения медиации при разрешении гражданско-правовых споров и споров, связанных с интеллектуальной собственностью», в соответствии с которым, будущим медиаторам читаются следующие курсы лекционных занятий: виды гражданско-правовых договоров. Особенности разрешения гражданско-правовых споров между физическими лицами. Особенности разрешения гражданско-правовых споров между физическими и юридическими лицами. Особенности разрешения потребительских конфликтов. Особенности споров по вопросам интеллектуальной собственности. Работа Всемирной организации интеллектуальной собственности в области разрешения конфликтов с помощью процедуры медиации².

---

¹ Паламарчук А. В. Защита исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности в сети Интернет // Законность. 2010. № 7.

² Приказ Минобрнауки РФ от 14 февраля 2011 г. № 187 «Об утверждении программы подготовки медиаторов» // СПС «КонсультантПлюс».

Особо важно отметить, что и Верховный Суд Российской Федерации дает специальные рекомендации по вопросам споров, связанных с объектами интеллектуальных прав. Так, в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», указано, что при рассмотрении дел о признании интеллектуальных прав (при применении российского права) подлежит применению российское законодательство, действовавшее на момент возникновения соответствующего права. Так, автор произведения определяется на основе законодательства, действовавшего на момент его создания; автор изобретения, полезной модели или промышленного образца – на основе законодательства, действовавшего на дату подачи заявки на выдачу патента на это изобретение, полезную модель или промышленный образец. При оспаривании решений Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (далее – Роспатент) суды должны учитывать: заявки на выдачу патента, заявки на товарный знак, а также заявки на наименование места происхождения товара подлежат рассмотрению Роспатентом в порядке, установленном законодательством, действовавшим на момент подачи заявок, если иное специально не предусмотрено законом¹.

---

¹ Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 26 марта 2009 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Давая международную правовую характеристику разрешения споров, об интеллектуальной собственности важно учитывать и нормы международного права. Так, в соответствии с Рекомендациями ИСС по интеллектуальной собственности. Обзор актуальных вопросов для предпринимателей и органов власти. Выпуск № 11, 2012 г., споры об интеллектуальной собственности не имеют фундаментальных отличий от других категорий споров, однако существуют особенности, которые необходимо учитывать в силу уникальности правового регулирования отдельных объектов интеллектуальной собственности. И третейское разбирательство, и медиация обладают достоинствами, позволяющими использовать эти процедуры для разрешения споров об интеллектуальной собственности. Как и в случае с третейским разбирательством, соглашение о медиации должно быть заключено на основании согласия сторон. В то же время оговорка о разрешении спора в соглашении сторон, предусматривающая медиацию, является наиболее простым способом обеспечения разрешения спора между сторонами путем переговоров. Стороны также могут попытаться разрешить спор путем медиации, когда он уже возник, или даже когда стороны уже прибегли к другим процедурам разрешения спора, например, к третейскому или судебному разбирательству. Высокий показатель эффективности медиации свидетельствует о том, что попытка разрешить спор посредством медиации может оказаться успешной на любой стадии процесса. Более того, поскольку целью медиации являются переговоры сторон о разрешении спора,

в тех случаях, когда никакое взаимодействие между сторонами невозможно (как, например, при умышленной контрафакции или пиратстве), невозможна и медиация.

С другой стороны, медиация при споре об интеллектуальной собственности будет особенно актуальна тогда, когда сторонам крайне важно сохранение в тайне самого спора или фактов, которые раскрываются в споре, или прав на интеллектуальную собственность, или отношений сторон, или сохранение и развитие деловых отношений между сторонами¹.

В виду всего вышеизложенного, важно правоприменителям, при разрешении споров, связанных с объектами интеллектуальных прав применять альтернативные способы урегулирования споров, в частности процедуру медиации. Во многом, именно она, создает реальное практическое и целесообразное решение в разрешении конфликта, а так же увеличивает скорость разрешения спора, улучшает потенциал гражданского общества и само регуляцию общественной жизни и гражданского оборота, что дает качественную характеристику и правового просвещения субъектов гражданского и предпринимательского оборота, а так же создает благоприятный инвестиционный климат российского государства. как уголовный, так и гражданский процесс, в системе правоотношений во многом основывается на принципе целесообразности, кото-

---

¹ Рекомендации ИСС по интеллектуальной собственности. Обзор актуальных вопросов для предпринимателей и органов власти. 2012. Выпуск № 11 // СПС «Консультант-Плюс».

рый создает условия для применения медиации на практике.

Если же давать характеристику видов медиативных процедур, о следует отметить, что мировой правоприменительной практике существует несколько различных видов примирительных процедур, к которым относятся переговоры (negotiation), посредничество (mediation), арбитраж (arbitration), посредничество – арбитраж (mediation – arbitration, или med-arb), примирительное производство (conciliation), мини-суд (mini-trial), независимая экспертиза по установлению фактических обстоятельств дела (neutral expert fact-finding), омбудсмен (ombudsman), частная судебная система (private court system)¹.

Субъекты медиативных процедур должны тщательнейшим образом изучить тактические аспекты, прежде чем начать процедуру медиации. Важно отметить, что в чистом виде медиация в уголовном процессе отсутствует, однако применять медиативные процедуры могут участники процесса. Это продиктовано возможностью примирения сторон по делам частного обвинения. Кроме того, в случае введения в уголовный процесс института медиации, необходимо будет качественно изменить уголовно-процессуальное законодательство.

Предполагаемый медиатор или участник уголовного процесса, который имеет целью своей деятельности ни довести уголовное дело до суда, а примирить стороны на досудебной стадии, а потом рассмотреть вопрос о прекращении уголовного де-

---

¹ Носырева Е. И. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США. Воронеж, 1999. С. 50–54.

ла либо, создать условия, при которых на судебной части уголовного процесса, у подозреваемого будет смягчающее обстоятельство, выразившееся в примирении с потерпевшим и полное возмещение причиненного вреда, в своей деятельности должен использовать следующие основные принципы тактической организации процедуры медиации, а именно: принцип законности, принцип объективности и полноты предпринимаемых действий, принцип активности медиатора, принцип учета личных свойств допрашиваемого лица, принцип деятельности в зависимости от конкретной криминалистической ситуации, принцип взаимодействия с иными участниками уголовного судопроизводства, принцип добровольности, принцип конфиденциальности, принцип личной незаинтересованности медиатора, принцип непубличности.

В перспективе, как правового регулирования новых общественных отношений, так и развития толерантности и терпимости, а также возрождения Христианских ценностей, медиация может весьма успешно применяться в правовом регулировании не только юридических, но социокультурных конфликтов.

Библиографический список:

1. *Паламарчук А. В.* Защита исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности в сети Интернет // Законность. 2010. № 7.
2. *Шахназаров Б. А.* Государственное регулирование оборота объектов интеллектуальной собственности в условиях

членства России в ВТО и Таможенном союзе // Юридический мир. 2013. № 12.

3. *Ананьева Е.* Медиация. Что это такое? // Интеллектуальная собственность. Авторские и смежные права. 2004. № 9.

4. *Паламарчук А. В.* Защита исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности в сети Интернет // Законность. 2010. № 7.

5. *Носырева Е. И.* Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США. Воронеж, 1999.

ДОКТРИНА ПРАВА

Д. С. МИЛИНЧУК

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», преподаватель Открытой правовой школы факультета права, аспирант кафедры теории и истории права (123022, г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3, ком. 417А; тел.: (495) 772-95-90 (22-842)); Общество с ограниченной ответственностью «Планета вкуса», заместитель генерального директора (143900, Московская область, г. Балашиха, пр. Ленина, д. 71).

«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ» КОЛЛИЗИОННОМУ МЕТОДУ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ?

Ключевые слова: коллизия права; коллизионный метод правового регулирования; коллизионное право; пробелы права; конкуренция права; имплементация; толкование права; устранение коллизий; преодоление коллизий; метод правового регулирования; усовершенствование законодательства; модельные законы; аналогия права; аналогия закона; отрасль права; межотраслевой институт

Аннотация. Коллизионное право является малоизученным правовым явлением в науке, его место в системе российского права до сих пор однозначно не определено. Коллизии в праве встречаются в

любой правовой системе мира и в любой отрасли права. Нет ни одной современной системы законодательства, где не было бы столкновения между нормами права, регулируемыми одно и то же общественное отношение. Также, как и не существует ни одной области в законодательстве, свободной от правовых коллизий.

Существуют различные теории по вопросу, что необходимо понимать под коллизионным правом: отрасль права, межотраслевой институт или метод коллизионного регулирования. В связи с тем, что природа коллизионного права не ясна, в статье предлагается рассмотреть коллизионное право как специальный метод правового регулирования.

Исходя из общего определения термина «метода правового регулирования» предлагается классифицировать основные средства, приемы и способы, используемые для решения задач коллизионного права, в единый метод.

В статье анализируется каждый из основных способов, применяемых для устранения и предотвращения (преодоления) коллизий в отдельности, выясняется роль каждого из них, значение, а также дается оценка задач способов в рамках ликвидации противоречий между нормами права. В статье исследованы такие способы как имплементация иностранного опыта национальным законодательством, создание международно-правовых актов и присоединение к ним стран-участниц, разработка модельных законов, применение толкования для ликвидации коллизий в праве.

В завершение рассматривается возможность сгруппировать эти способы в единый метод право-

вого регулирования. Исследуется функция указанных способов по ликвидации коллизий и делается вывод, отвечают ли эти способы единым задачам и целям, в результате чего, их можно было бы объединить в единый метод правового регулирования. Делается вывод о невозможности выделения такого специального метода правового регулирования, как коллизионный.

Как часто в юридической практике приходится сталкиваться с пробелами и коллизиями в праве? Не существует, пожалуй, ни одного юриста-практика, которому, принимая решение по тактике ведения дела или разрешения правового конфликта, не пришлось бы хоть однажды выбирать между несколькими нормами. Коллизии можно обнаружить в любой отрасли права, не существует ни одной группы общественных отношений, где нельзя было бы найти противоречий при выборе применяемой нормы права.

Несмотря на то, что явления эти достаточно распространены, природа коллизионного права не ясна до сих пор. Является ли это комплексной отраслью права, межотраслевым институтом или методом правового регулирования, науке предстоит еще выяснить. Однако нельзя отрицать применение определенных приемов, таких как имплементация, унификация, толкование и т. д., которые используются для коллизионного регулирования.

Так, под методом правового регулирования понимается совокупность способов, «особые приемы

регулирующего воздействия на общественные отношения»¹.

Рядом авторов, например, С. С. Алексеевым, Ю. А. Тихомировым, В. Н. Хропанюком отмечается, что своеобразие метода правового регулирования определяется видом регулируемых общественных отношений. Как правило, в публично-правовых отраслях права доминирующим методом правового регулирования является императивный, в то время как в частно-правовых отношениях преимущественно используется диспозитивный метод. Некоторыми авторами помимо классических методов правового регулирования, свойственных для большинства отраслей, таких как императивный и диспозитивный, выделяются «совершенно особые ... методы регулирования (например, метод права социального обеспечения)», «метод социально-алиментных притязаний»², которые характерны для какой-то определенной отрасли права.

О значении метода правового регулирования и возможности признавать его одним из основных критериев деления права на отрасли, ученые вели дискуссии с советских времен. Частью исследователей отмечалось, что «именно предмет правового регулирования, т. е. определенный вид регулируемых правом общественных отношений, служит ос-

---

¹ *Лебедев А. Ф.* Общая теория права: Учебное пособие. Минск: Изд-во Гревцова, 2013. С. 207.

² *Кененова И. П.* Правоведение: Учебное пособие для СПО и прикладного бакалавриата / И. П. Кененова, Т. Э. Сидорова. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2014. С. 40–43.

новным (если не единственным) признаком, отличающим одну отрасль права от другой»¹, а за методом правового регулирования не признавалось никакого самостоятельного значения, он представлялся как производный инструмент от предмета. Сторонники другой концепции придерживались мнения, что деление отраслей права необходимо производить на основании специфического предмета и метода правового регулирования. Метод правового регулирования, по мнению Л. С. Явича, Д. А. Керимова, В. Ф. Яковлева и др., – «также необходимый признак при классификации отраслей советского права»².

В настоящее время данный спор практически утратил актуальность, поскольку подавляющим большинством ученых и исследователей в области права признается принцип, согласно которому у каждой отрасли есть свой предмет и метод, «для того чтобы та или иная группа правовых норм превратилась в отрасль, нужна не только известная качественная обособленность, но и то, чтобы эта группа норм оформилась по степени своей организации в систему такого порядка, который соответствовал бы ее положению как элемента системы права в целом»³.

---

¹ *Александров Н. Г.* О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 5. С. 117.

² *Алексеев С. С.* О теоретических основах классификации отраслей советского права // Советское государство и право. 1957. № 7. С. 102.

³ *Сорокин В. Д.* Избранные труды. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 839.

Е. Е. Миклин указывает, что «под способами разрешения юридических коллизий понимаются конкретные приемы, средства, механизмы, процедуры их устранения»¹. Таким образом, в настоящей статье нам предстоит выяснить, как эти способы соотносятся с методом правового регулирования? Является ли их совокупность специальным методом правового регулирования, на основании которого можно выделить отрасль коллизионного права? Составляют ли используемые средства устранения и предотвращения коллизий права единый, специальный метод правового регулирования или же они являются отдельными, не связанными в целостную систему, образующую общий метод, правовыми приемами?

Для того, чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо рассмотреть способы коллизионного регулирования и определить, каким целям соответствует каждый из них и какие задачи выполняет.

Любой метод правового регулирования, в том числе специальный, ориентирован в итоге на определенный конечный результат. Так, например, метод социально-алиментных притязаний состоит в том, что «государство, выполняя социальную функцию, оказывает социальные услуги, но при

---

¹ Миклин Е. Е. Способы преодоления юридических коллизий // Материалы научно-практической конференции юридического факультета Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. С. 225.

этом взимает платежи с граждан и юридических лиц в определенных размерах»¹.

Все способы «борьбы» с коллизиями можно разделить на способы устранения и способы преодоления коллизий права (см. таблица 1). Под устранением коллизий понимают ликвидацию противоречивых норм, под преодолением (предотвращением) – приемлемый выход из ситуации².

Для того, чтобы выявить, каким задачам соответствуют указанные в таблице способы, предлагается рассмотреть каждый из них. Под имплементацией понимают «целенаправленную организационно-правовую деятельность государств, предпринимаемую индивидуально, коллективно или в рамках международных организаций в целях своевременной, всесторонней и полной реализации принятых ими в соответствии с международным правом обязательств»³.

Посредством имплементации обеспечивается единообразное применение норм права и регулирование общественных отношений в различных государствах. Имплементация как способ устранения коллизий наиболее широко применяется в сфере международного права. Основное ее назначение – создание унифицированного законода-

---

¹ *Кененова И. П.* Правоведение: Учебное пособие для СПО и прикладного бакалавриата / И. П. Кененова, Т. Э. Сидорова. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2014. С. 43.

² *Поляков О. А.* Юридические коллизии в сфере деятельности органов внутренних дел по обеспечению и защите прав граждан: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 105.

³ *Гавердовский А. С.* Имплементация норм международного права. Киев: Вища школа, 1980. С. 62.

тельства в различных странах в целях избежания возможных конфликтов правоприменения и правореализации. С помощью ратификации международных актов и имплементации международных норм права в государствах создаются однотипные правовые системы, построенные на применении общих и одинаковых принципов права, признанных демократическими странами и цивилизованными нациями.

Разработка модельных законов – это также один из способов, которые применяются для разрешения правовых коллизий. Модельный закон представляет собой «законодательный акт типового характера, который содержит нормативные рекомендации, а также варианты возможных правовых решений тех или иных вопросов определенной сферы общественных отношений»¹. Согласно данной концепции разработка модельных законов регулирует не какую-то определенную группу общественных отношений, а может использоваться в любой отрасли права, причем как национального российского права (разработка Основ законодательства; типовые законы Торгово-промышленной палаты), так и зарубежного (Uniform Acts).

Усовершенствование национального законодательства – это процесс законотворчества, который связан с объективным, наиболее эффективным использованием законодательной техники. Усовершенствование законодательства необходимо рассматривать как определенный прием устранения

---

¹ Якунин В. И. Проблемы международной гармонизации железнодорожного права России: Монография. М., 2008. С. 16.

коллизий, однако он относится к сфере государственной политики в области законотворчества. Являясь разновидностью правовой политики, правотворческая политика представляет собой деятельность «государственных структур и субъектов гражданского общества», которая направлена на «формирование и реализацию стратегии и тактики правотворчества в целях повышения его эффективности и, как следствие, создания непротиворечивой и целостной системы права». Целью концепции правотворческой политики, в том числе, является «обеспечение средствами правотворческой политики единства нормативно-правового регулирования в Российской Федерации, создание целостной, непротиворечивой системы права в соответствии с потребностями поступательного развития современного российского общества»¹.

Усовершенствованием национального законодательства также занимаются и органы исполнительной власти, например, федеральные министерства осуществляют функции по выработке государственной политики в определенной сфере деятельности. В различных нормативных правовых актах отмечаются определенные функции органов исполнительной власти. Так, например, Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации осуществляет функции по выработке и реализации единой государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере

---

¹ *Малько А. В., Мазуренко А. П.* Концепция правотворческой политики в Российской Федерации (проект). М.: МГЭИ, 2011. С. 5.

информационных технологий¹. Деятельность Министерства культуры Российской Федерации, в свою очередь, направлена на создание и реализацию унифицированной политики и унифицированного нормативно-правового регулирования в сфере культуры, искусства, кинематографии, архивного дела и пр.²

Помимо коллизий права в науке и практике существует понятие «пробела в праве». Несмотря на то, что эти два явления не тождественны и имеют разную природу, на наш взгляд, они обладают равноценными целями при их разрешении. Так, под пробелом понимают «пустое, незаполненное место, пропуск, ... упущение, недостаток»³. Целью устранения пробела является восполнение существующих изъянов. Т. е. основная задача тех способов, которые применяются для преодоления пробелов в праве, – урегулировать те общественные отношения, которые до настоящего момента не регламентированы по каким бы то ни было причинам. Задачей же коллизионных норм является урегулирование общественных отношений опре-

---

¹ См. Постановление Правительства РФ «О Министерстве связи и массовых коммуникациях Российской Федерации» от 02 июня 2008 г. № 418 // СЗ РФ. 2008. № 23. Ст. 2708; 2011. № 3. Ст. 542.

² См. Постановление Правительства РФ «О Министерстве культуры Российской Федерации» от 20 июля 2011 г. № 590 // СЗ РФ. 2011. № 31. Ст. 4758; 2012. № 6. Ст. 688; № 26. Ст. 3524; № 39. Ст. 5270; 2013. № 31. Ст. 4239; № 41. Ст. 5182; № 45. Ст. 5822; 2014. № 30. Ст. 4205; № 40. 5436; 2015. № 4. Ст. 664.

³ Цит. по *Лазарев В. В.* Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юрид. литература, 1974. С. 5.

деленным способом, выбор регламентирования из нескольких возможных вариантов. В случае пробела в праве у нас не существует варианта разрешения ситуации вообще. При коллизии – не существует однозначного варианта поведения, поскольку имеется несколько вариантов применяемых норм права, несколько разночтений по одному вопросу, но нет единого алгоритма регулирования определенного вида общественных отношений. Таким образом, пробелы и коллизии права характеризуются полным отсутствием норм права или наличием альтернативных норм права по одному вопросу при невозможности выбора между ними. В любом из этих случаев мы сталкиваемся с неурегулированным общественным отношением. Отсюда некоторые методы и способы, которые используются для преодоления коллизий или пробелов, могут совпадать.

При отсутствии нормы права различные органы государственной власти могут столкнуться с необходимостью законодательного регулирования пробельного общественного отношения. В результате различными органами могут быть приняты конфликтующие нормативные правовые акты, регламентирующие одни и те же вопросы¹.

Восполнение пробелов – это процесс, связанный с разрешением конкретных жизненных обстоятельств в отсутствие правовой нормы, регулирующей данное общественное отношение или группу

---

¹ См. *Шакун В. М.* Коллизии в статусе (компетенции) органов государственной власти и должностных лиц // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 2. С. 42–48.

общественных отношений. Гражданское законодательство Российской Федерации указывает на возможность применения аналогии закона (в случаях, когда отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай) и аналогии права (при невозможности использования аналогии закона) для восполнения пробелов в праве¹.

Применение аналогии допускается законодательством отраслей частного права и невозможно в сфере публичного права, поскольку это нарушает принцип законности. Так, в ч. 2 ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации указывается, что «применение уголовного закона по аналогии не допускается»². Однако в научной литературе в последнее время отмечается, что практика применения уголовного закона, не смотря на законодательную отмену, знает многочисленные случаи фактического использования аналогии³. Тем не менее, вопрос о возможности использования аналогии в уголовном праве остается дискуссионным и однозначно не решенным до настоящего момента.

Причинами пробелов в праве могут быть различные обстоятельства, например, упущения при подготовке нормативных правовых актов или отстава-

---

¹ Ст. 6 Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2006. № 45. Ст. 4627; 2011. № 50. Ст. 7335; 2014. № 19. Ст. 2304; 2015. № 21. Ст. 2985.

² Ч. 2 ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2011. № 30. Ст. 4601; 2015. № 1. Ст. 82.

³ См. *Кауфман М. А.* Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

ние законодательства от развития жизни, которые могут обнаружиться в ходе регулирования абсолютно любой группы общественных отношений.

На наш взгляд, отсутствие пробела может являться причиной отсутствия коллизий в дальнейшем, а восполнение пробелов может являться в некоторых случаях способом дальнейшего предотвращения коллизий.

Существуют различные подходы к определению понятия «толкование права». А. Ф. Черданцев указывал, что «термин толкование многозначен и сам требует разъяснения»¹. В данной статье под толкованием права мы понимаем «изложенное в письменной форме научное мнение, имеющее решающее влияние при принятии решения по какому-то вопросу»². Толкование права – это процесс, связанные с интерпретацией нормы права, соотношения «духа» и «буквы» закона, в результате которого необходимо установить смысл правовой нормы, определить ее единообразное применение органами государственной власти и частными лицами. В ст. 1156 Французского гражданского кодекса указано, что «при рассмотрении соглашений нужно исследовать в первую очередь, каково было обоюдное намерение договаривающихся сторон, а не останавливаться на буквальном смысле выражений»³.

---

¹ Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М.: Юнити-Дана, 2003. С. 56.

² *Bellet P. Rapport de synthèse // Travaux Assoc. H. Capitant*, Т. XXXI. 1980. Р. 11.

³ *Наполеон Б. Гражданский кодекс / Наполеон Бонапарт*; пер. с фр. И. С. Перетерского. М.: Эксмо, 2013. С. 266.

Для того, чтобы уяснить смысл нормы права могут применяться различные методы толкования: языковые (грамматический, филологический, лингвистический), логический, исторический, систематический и т. д. М. В. Захарова отмечает, что «в контексте раскрытия проблемы толкования права не следует также забывать и об интерпретации индивидуальных правовых актов, место которой находится как в рамках публичного, так и частного права»¹. В своей монографии М. В. Захарова указывает на различные принципы при интерпретации норм права и индивидуальных правовых актов публичного и частного права, однако также подчеркивает, что, в целом, концепция толкования права ориентирована на гражданское право, но «в настоящее время подвергается нюансировке и адаптируется к требованиям различных отраслей права»².

Целью толкования права, также, как и имплементации, является создание единообразного правоприменения, только не на международном уровне, не разными государствами, а в рамках национальной правовой системы, с целью одинаковой реализации правовых норм всеми субъектами права.

Согласно ст. 15 Конституции Российской Федерации в случае противоречия норм международного права с внутригосударственными нормами приоритет отдается первым. В то же время в п. 2 ст. 1 Федерального закона «Об общих принципах орга-

---

¹ Захарова М. В. Французская правовая система: теоретический анализ: Монография. М.: Проспект, 2014. С. 138.

² Там же. С. 138–140.

низации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ закрепляется осуществление народом власти исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций. В данном случае нам представляется иерархическая коллизия между Конституцией РФ и федеральным законодательством, которая должна была бы решаться в пользу Конституции РФ. Однако, Постановлением Конституционного Суда РФ (казуальное толкование) от 30 ноября 2000 г. № 15-П было установлено, что нормы внутреннего законодательства предусматривают более высокий уровень гарантий для местного самоуправления¹.

Рассмотрев основные способы, которые используются для устранения и предотвращения коллизий, мы отмечаем, что они в совокупности не представляют собой единую систему, объединенную общей целью, и не направлены на решение одной задачи.

Указанные выше способы являются заимствованными приемами и средствами, которые активно используются для реализации собственных задач и целей в отдельных отраслях права.

Одни из них применяются для восполнения пробелов (аналогия в гражданском праве), другие –

---

¹ См. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2000 г. № 15-П по делу о проверки конституционности отдельных положений Устава (Основного закона) Курской области в редакции закона Курской области от 22 марта 1999 г. «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной закон) Курской области» // СЗ РФ. 2000. № 50. Ст. 4943.

для унификации законодательного регулирования правовых отношений (имплементация в международном праве), третьи – для усовершенствования и более эффективного управления и регламентации общественных отношений, но все эти способы применимы для реализации задач коллизионного права. Вместе с тем, единого метода правового регулирования, который бы являлся основанием выделения отрасли коллизионного права нет. Перечисленные способы, безусловно, используются в рамках коллизионного права и отвечают задачам устранения и преодоления коллизий. Однако, они не представляют собой единый инструментарий коллизионного права. Преследуя разные цели, они, тем не менее, аккумулируются и применяются коллизионным правом. Однако, это не является их главным и прямым назначением. Успешно ликвидируя коллизии в праве, способы устранения и преодоления противоречивых норм не являются совокупностью тех средств, приемов и способов, которые представляли бы единый метод правового регулирования, который «отражает особенности юридического воздействия на определенный круг общественных отношений между людьми в обществе по сравнению с другими, неюридическими способами»¹, и отвечали бы основному критерию деления права на отрасли.

Таким образом, говорить о коллизионном праве как о специфическом методе правового регулирования, на основании которого можно было бы выделить коллизионное право как отрасль, нельзя.

---

¹ *Сорокин В. Д.* Административно-процессуальное право. М.: Изд. «Юридическая литература». 1972. С. 29.

Совокупность используемых средств, приемов и способов, применяемых для ликвидации конфликтов в праве, является всего лишь эффективным инструментом преодоления коллизий в праве, но заимствованным из других отраслей, а не созданным специально, в рамках отрасли коллизионного права.

Приложения:

Таблица 1.

Способы устранения и преодоления коллизий в праве

Устранение	Преодоление
принятие международно-правовых актов и последующая их имплементация национальным законодательством нескольких государств	деятельность судебных и государственных органов с целью разрешения сложившейся конфликтной ситуации
односторонняя имплементация иностранного опыта национальным законодательством	толкование закона
выработка правовых рекомендаций, разработка модельных законов	
усовершенствование национального законодательства, восполнение пробелов в рамках одной отрасли права	

Библиографический список:

1. *Наполеон Б.* Гражданский кодекс / Наполеон Бонапарт; пер. с фр. И. С. Перетерского. М.: Эксмо, 2013.

2. *Александров Н. Г.* О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 5.

3. *Алексеев С. С.* О теоретических основах классификации отраслей советского права // Советское государство и право. 1957. № 7.

4. *Гавердовский А. С.* Имплементация норм международного права. Киев: Вища школа, 1980.

5. *Захарова М. В.* Французская правовая система: теоретический анализ: Монография. М.: Проспект, 2014.

6. *Кауфман М. А.* Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления: Дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ГУ-ВШЭ, 2009.

7. *Кененова И. П.* Правоведение: учеб. пособие для СПО и прикладного бакалавриата / И. П. Кененова, Т. Э. Сидорова. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2014.

8. *Лазарев В. В.* Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юрид. литература, 1974.

9. *Лебедев А. Ф.* Общая теория права: учеб. пособие. Минск: Изд-во Гревцова, 2013.

10. *Малько А. В., Мазуренко А. П.* Концепция правотворческой политики в Российской Федерации (проект). М.: МГЭИ, 2011.

11. *Миклин Е. Е.* Способы преодоления юридических коллизий // Материалы научно-практической конференции юридического факуль-

тета Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006.

12. *Поляков О. А.* Юридические коллизии в сфере деятельности органов внутренних дел по обеспечению и защите прав граждан: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

13. *Сорокин В. Д.* Административно-процессуальное право. М.: Изд. «Юридическая литература». 1972.

14. *Сорокин В. Д.* Избранные труды. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.

15. *Черданцев А. Ф.* Толкование права и договора. М.: Юнити-Дана, 2003.

16. *Шакун В. М.* Коллизии в статусе (компетенции) органов государственной власти и должностных лиц // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 2.

17. *Якунин В. И.* Проблемы международной гармонизации железнодорожного права России: Монография. М., 2008.

18. *Bellet P.* Rapport de synthèse // Travaux Assoc. Н. Capitaint, Т. XXXI. 1980.

А. А. ТЕДЕЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», заместитель директора Научно-методического центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности», доктор юридических наук, кандидат экономических наук (123022, г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3, каб. 436; тел.: (495) 637-52-68)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ПРАВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Ключевые слова: трансформация системы права; развитие технологий; информационно-коммуникационные технологии; проблемы

Аннотация. Вопросы изменения внутреннего строения права, развития системы права и системы законодательства, обусловленного информационным прогрессом и бурным обновлением информационно-коммуникационных технологий, в последние годы выходят на передний край исследования.

Взаимодействие юридических и физических лиц в процессе использования новых информационно-коммуникационных технологий специфично свои-

ми формой, содержанием и средой осуществления такого взаимодействия.

При этом необходимо учитывать, что до недавнего времени, рассматриваемое кумулятивное воздействие развития информационно-коммуникационных технологий, как правило, прослеживалось на двух уровнях:

1) расширение круга общественных отношений, отягченных информационным элементом (которые с развитием технологий начинают частично протекать с использованием информационной среды глобальных компьютерных сетей);

2) возникновение новых общественных отношений, ранее не выступавших объектом регулирующего воздействия государства.

Указанные процессы обусловлены тем обстоятельством, что информационный прогресс способствует приданию нового импульса проблеме обеспечения прав и свобод человека в информационной среде. В качестве иллюстрации приведенного выше тезиса остановимся в самом общем виде на основных проблемах реализации общепризнанных прав и свобод в информационной среде.

Особенно мощное влияние развитие новых информационно-коммуникационных технологий, видимо, оказывает на конституционные отношения. При этом проблема много шире обсуждаемых в зарубежной науке возможностей организации быстрых, честных и максимально прозрачных демократических выборов через сеть Интернет с мгновенным подсчетом голосов в режиме реального времени. Совершенно очевидно, что создание технологической и программной базы для прове-

дения таких голосований с высокой степенью защиты результатов – вопрос ближайшего будущего. Следовательно, по мере внедрения этих технологий неминуемо произойдет трансформация современной нам формы демократии.

Под формами демократии, как правило, понимаются исторически сложившиеся способы и средства выявления и выражения воли и интересов различных слоев общества. Конкретные формы демократии со временем под влиянием самых различных факторов могут меняться. В каждой конкретной исторической ситуации наиболее распространенной в демократических государствах является наиболее удобная и надежная форма выявления воли большинства населения. Поэтому в случае дальнейшего ускорения информационного прогресса (а пока эта тенденция незыблема) в развитых демократических государствах возможен будет безболезненный переход от представительной демократии к исключительно прямой (непосредственной) демократии.

Отмечается, что первоначально глобальные компьютерные сети используются как удобная, быстрая и, что самое важное, недорогая инфраструктура для достаточно частого проведения сначала консультативных, а затем – обязательных референдумов. Более того, в условиях, когда возможная частота проведения таких референдумов с использованием информационных технологий не лимитирована. На определенной стадии такая форма демократии может вытеснить представительную демократию, существенно трансформировав институт представительного органа, члены которого

избираются на длительный срок и работают на профессиональной основе. Естественно, такое развитие событий по известным причинам, видимо, будет неминуемо сдерживаться существующими политическими элитами, однако, как говорится, «процесс уже пошел». Информационный прогресс создает необходимые предпосылки для расширения доступа каждого к государственному и муниципальному управлению, обеспечив подлинную власть народа (власть как проявление воли максимально широкого круга индивидов). Отмечавшиеся относительно недавно в качестве сдерживающего фактора рассматриваемых процессов, проблемы верификации права на голосование и обеспечения защиты Интернет-голосования от всевозможных манипуляций по мере развития технологий оказались преодолимы.

Отмечается, что именно указанные новые возможности («новое измерение демократии») оказывают существенное воздействие на европейскую тенденцию локализации государственного управления, самоопределения и создания собственных государственных образований (Шотландия, Каталония).

Развитие информационно-коммуникационных технологий существенно влияет и на частноправовые отношения. В этой связи в литературе отмечаются проблемы защиты средств индивидуализации (товарный знак, фирменное наименование, знак обслуживания и т. д.) от незаконного использования в глобальной компьютерной сети Интернет, правовая неразрешенность вопроса об отнесения или не отнесения к средствам индивидуализа-

ции доменного имени, правовые проблемы защиты исключительных прав на программы для ЭВМ в глобальной компьютерной сети Интернет и прав автора контента, проблемы сетевых электронных СМИ и многие другие.

В сфере трудовых отношений развитие информационно-коммуникационных технологий приводит к формированию таких новых для права явлений, требующих совершенствования действующего трудового законодательства, как дистанционная трудовая деятельность, или телеработа¹. «Дистанционная работа на сегодняшний день становится полноценной альтернативой работе в офисе. Также, данный вид работы напрямую связан с улучшением качества жизни работника»².

В доктрине трудового права под телеработой, как правило, понимается «разновидность трудовой деятельности, которая выполняется в месте, удаленном от центрального офиса, что исключает возможность непосредственного общения работника с руководством и сослуживцами»³.

Как отмечается специалистами, характер происходящих в обществе технологических изменений сделал актуальным вопрос об эволюции традиционных форм бизнеса. На смену традиционным

---

¹ Шаханова О. И. Влияние информационно-коммуникационных технологий на рынок трудовых ресурсов. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 3. С. 267.

² Гебриаль В. Н. Социальные аспекты феномена дистанционной работы как нового вида трудовых отношений. // Государственное управление. 2008. № 17. С. 3.

³ Киселев И. Я. Сравнительное трудовое право. М., 2005. С. 116.

компаниям приходят виртуальные формы экономической деятельности, реализуемые в виде применения информационных технологий к существующим видам деятельности. В новых условиях, как отмечает экономистами, происходит изменение менеджерской парадигмы с развития производства или стимулирования продаж в сторону сокращения транзакционных издержек¹. В таких условиях и возникает широкая ниша для нетрадиционных форм занятости, которые несут в себе существенные экономические преимущества, в первую очередь за счет ускорения бизнес процессов и минимизации издержек.

Таким образом, в современных работах экономистов телеработа концептуально рассматривается либо в форме новой рабочей парадигмы², либо в качестве новой формы управления персоналом и реализации трудовых функций в организациях виртуального типа³ (либо с элементами виртуального типа)¹.

---

¹ *Либо М. Г., Кошелева С. В.* Телеработа как новая форма управления персоналом в организациях виртуального типа. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Сер. 8. Выпуск 3 (№ 24). С. 119–121.

² *Хасанова Ю. В.* Фриланс: предпосылки для трансформации условий труда. // Наука и общество. 2012. № 1. С. 144–146; *Абсалямова С. Г.* Изменения в содержании труда и трудовых отношений в постиндустриальном обществе. // Экономический вестник Республики Татарстан. 2013. № 2. С. 11–15.

³ *Либо М. Г.* Концепция телеработы как новая форма управления персоналом в организациях виртуального типа в России: дис. ... канд. эконом. наук. СПб., 2003. С. 8–12; *Потуданская В. Ф., Мокрецова А. В.* Классификация

Как одна из новых форм трудовых отношений телеработа создает условия для обеспечения гибкой занятости и позволяет работникам выполнять свои трудовые обязанности, не будучи привязанными к офису работодателя, а находясь дома или в другом специально оборудованном месте, с помощью использования современных информационных технологий². Сначала понятие телеработы (telework или telecommuting в литературе США) использовалось именно для описания работы из дома (работы надомников), однако в настоящее

нестандартных форм занятости. // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 1. С. 75; *Алимова Н. К.* Развитие нетипичных видов занятости для устойчивого инновационного развития страны. // Международный журнал. Устойчивое развитие: наука и практика. 2011. № 2. С. 107–114; *Мерко А. И.* Виртуальная занятость как инструмент преодоления кризисных явлений на российском рынке. // Вестник Омского университета. Серия: «Экономика». 2010. № 2. С. 5–10; *Юдин А. В.* Стратегия управления дистанционной формой занятости. // Вестник Омского университета. Серия: «Экономика». 2012. № 4. С. 121–125.

¹ *Каширнова Е.* Телеработа (telework), прогрессивная форма труда XXI века. // Социосфера. 2012. № 4. С. 11–20; *Ангинашвили Л. Г.* Виртуальные предприятия: становление, сущность и преимущества. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Экономика». 2011. № 2. 52–58; *Колтынюк Б. А., Вольфсон М. Б.* Электронный бизнес и электронные предприятия в постиндустриальной экономике. // Проблемы современной экономики. 2012. № 2. С. 166–168.

² См. напр.: *Паринов С. И.* Экономика в информационном обществе. // Информационное общество. 1999. № 2. С. 33–43.

время, указанный термин понимается много шире, распространяясь на все формы организации мобильной трудовой деятельности. Отмечается, что несмотря на многообразие институциональных форм такого труда, концептуальной идеей является возможность с помощью использования новых технологий изменить расположение места работы¹. Неслучайно, исследуя указанные проблемы в зарубежных странах (в первую очередь, на примере Германии), П. Е. Морозов рассматривает телеработу как форму флексибилизации трудового права в условиях глобализации, так как ее основная цель состоит в совершенствовании реализации трудовых прав работников².

При этом еще совсем недавно в России значение указанных проблем несколько недооценивали. Например, отмечалось, «пока работа в офисе для российских компаний выгоднее, чем дистанционная занятость, связанная с организацией рабочего места современными дорогими информационными технологиями»³.

Однако последние исследования рынка труда показывают, что ситуация нарастающе меняется.

---

¹ *Singe I., Croucher R.* The management of trust-based working time in Germany // *Personnel rev.* Bradford, 2003. Vol. 32, № 4. P. 492–509; *Harris L.* Home-based teleworking and the employment relationship. Managerial challenges and dilemmas // *Personnel rev.* Bradford, 2003. Vol. 32, № 4. P. 422–437.

² *Морозов П. Е.* Флексибилизация трудового права зарубежных стран. // *Бизнес в законе.* 2011. № 4.

³ *Скрыль Т. В.* Информационный сектор экономики: формирование и специфика в российских условиях: Автореф. ... дис. канд. экон. наук. М., 2009. С. 21.

При этом отмечается, что при осуществлении трудовой деятельности в информационной среде глобальных компьютерных сетей, заключаемый при этом договор утрачивает ряд традиционно выделяемых свойств (отличительных черт) трудового договора¹, а сами трудовые отношения в сети Интернет все больше приобретают гражданско-правовой характер. В первую очередь, это связано со сложностями обеспечения реализации в информационной среде ряда принципиальных несущих конструкций режима регулирования трудового права (в части подчинения работника правилам внутреннего трудового распорядка организации (невозможности обеспечения механизма реализации прав работника на отпуск, нормированный (во временном смысле) рабочий день, определенную особую оплату сверхурочной работы и работы в праздничные дни и т. д.), обеспечения личного характера деятельности (при осуществлении трудовой деятельности в информационной среде работодатель не может это проконтролировать), алиментного характера² вознаграждения (в информационной

---

¹ Об отличительных свойствах трудового договора и его отличиях от договора возмездного оказания услуг см. напр.: *Желтов О. Б., Сошникова Т. А.* Трудовое право России: Учебное пособие. М.: Изд-во Эксмо, 2005. С. 93–112; *Бондаренко Э. Н.* Трудовой договор как основание возникновения трудового правоотношения. СПб., 2004. С. 62–67.

² Как указывает А. М. Лушников, впервые в качестве отличительной черты трудового договора алиментный характер вознаграждения по нему отмечал еще Л. С. Таль в работе «Трудовой договор. Цивилистическое исследование». См.: *Лушникова М. В., Лушников А. М., Тарусин Н.*

среде в принципе невозможно установление универсальной системы оплаты за труд, исходя из затраченного на этот труд времени либо выполнения работником обязательства «трудиться непрерывно столько то часов»). В условиях информационной среды исполнения реализации трудовых прав оплата выполняемой работы может быть исключительно в виде конкретно обговариваемой оплаты за выполнение конкретных заданий. Отметим, что последнее обстоятельство ведет к трансформации собственно самой трудовой функции, которая сводится к обязанности выполнять к конкретному сроку конкретные задания. С учетом системообразующего для трудового права характера и значения института трудового договора, приведенный пример свидетельствует о нарастании процессов трансформации трудового права в условиях глобализации труда и информационного прогресса.

Таким образом, как указывалось выше, по мере развития новых информационно-коммуникационных технологий повышается степень мобильности любой подлежащей регулированию деятельности. Наиболее остро, проблемы реализации прав человека в информационной среде проявляются в сфере уголовно-правовых отношений. Катализатором становится проблема выявления и фиксации факта совершения преступления в информационной среде и необходимости

Н. Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений (сравнительно-правовое исследование). Ярославль: Издательство Ярославского государственного университета, 2001. С. 88.

международного сотрудничества для противодействия киберпреступности.

В части процессуальных отношений отмечаются проблемы подсудности споров (в том числе, споров с участием государственных органов), использования электронных документов в качестве доказательств в суде. Отметим, что отдельные процессуальные аспекты названных проблем общеправового характера поднимались советскими учеными-юристами¹.

Таким образом, трансграничность глобальной компьютерной сети Интернет, которая, по замечанию Б. М. Фридмана, должна рассматриваться в качестве слепка (прообраза) нового информационного общества будущего², вызывает необходимость совершенствования национального и наднационального регулирования отношений, возникающих в данной информационной среде. При этом, «юридическая наука не должна играть роль «пожарной команды», вызываемой каждый раз для разрешения критических ситуаций: она должна

---

¹ См. напр.: *Юдельсон К. С.* Судебные доказательства и практика их использования в советском гражданском процессе. М., 1978. С. 195; *Муродьян Э.* Машинный документ как доказательство в гражданском процессе. // Советская юстиция. 1975. № 22. С. 12; *Коломыцев В. И.* Письменные доказательства по гражданским делам. М., 1978. С. 10–15; *Венгеров А. Б., Муродьян Э. М., Фалькович М. С.* ЭВМ и договорные отношения в народном хозяйстве. // Советское государство и право. 1980. № 7.

² См.: *Friedman B. M.* The Future of Monetary Policy: the Central Bank as an Army With Only a Signal Corps? *International Finance*. 1999. November. Vol. 2.

усилить свою методологическую, прогностическую функцию»¹.

Оценивая изменения внутреннего строения права, обусловленного информационным прогрессом и бурным развитием информационно-коммуникационных технологий в последние годы в литературе отмечалось, что, с одной стороны, указанные процессы обусловили возникновение и выделение комплексных образований (информационное право, телекоммуникационное право), с другой, по мере отягощения соответствующих традиционных общественных отношений, информационным элементом (когда информационные технологии сначала используются как средство упрощения коммуникации между участниками отношений, а затем трансформируют сами эти отношения), происходит подстраивание системы права и системы законодательства под новые условия. Развитие Интернета обусловили необходимость ускоренного формирования соответствующей специальной отрасли права, призванной урегулировать общественные отношения, возникающие и формирующиеся в процессе использования Интернета, характеризующейся наличием самостоятельного предмета и специфического отраслевого режима регулирования. Но в киберпространство «прорастают» отношения, веками регулируемые правом. Первоначально, для регулирования таких новых отношений (выступающих с точки зрения законодателя, продолжением или копией традици-

---

¹ *Топорнин Б. Н.* Доклад на Всероссийской научной конференции «Российское государство и право на рубеже тысячелетий». // Государство и право. 2000. № 7. С. 5.

онных, офлайновых отношений), законодатель пытается внести точечные изменения в уже действующие нормативные правовые акты различной (соответствующей) отраслевой направленности. Предпринимается попытка распространить действие уже существующих правовых конструкций на новые явления.

Показателен в этой связи имеющийся зарубежный опыт трансформации системы законодательства. В индустриально развитых государствах и в государствах с переходными типами экономики используются концептуально различные подходы к формированию системы актов, призванных регулировать информационные отношения, формирующиеся в Интернете. Указанное обусловлено тем, что в индустриально развитых государствах (переход к информационному обществу в которых начался раньше), начиная со второй половины прошлого века, соответствующее законодательство формировалось консервативно, законодатель пытался подстроить уже устоявшиеся традиционные правовые конструкции и законодательные акты под новые условия. Этим во многом и обусловлено современное состояние соответствующих нормативных правовых основ в этих государствах, характеризующееся низкой эффективностью и фрагментарностью регулирования. При этом справедливо указывается, что в рамках этих правовых порядков законодатель пока идет не по пути решения, а по пути накопления и замораживания правовых проблем, что, однако не может продолжаться долго.

В государствах с переходными типами экономики формирование информационного законодательства, соответствующего современному уровню развития информационно-коммуникационных технологий, и преодоление (сокращение) образовавшегося цифрового разрыва, началось позже и осуществляется «революционным» путем, в том числе, посредством принятия комплексных нормативных правовых актов, системно регулирующих различные аспекты внедрения информационно-коммуникационных технологий с параллельным подтягиванием всей системы права, – массовым точечным внесением поправок во все соответствующие акты законодательства, регулирующие те или иные отношения, претерпевающие существенную трансформацию в цифровую эпоху.

До недавнего времени считалось, что информационный прогресс ведет к появлению и постепенному обособлению в структуре отраслевого законодательства, а затем и в структуре соответствующих отраслей права либо субинститутов, включающих нормы, призванные урегулировать особенности развития тех или иных известных праву традиционных (офлайновых) отношений в новых информационных условиях, либо более крупных структурных образований.

Однако, с одной стороны, представляется, что право подошло к границам возможного в сложившихся условиях регулирования отношений, используя предоставленные в его распоряжение веками правовой эволюции традиционные конструкции, но не добилось системного прорыва. С другой, – следующей стадией развития информационно-коммуникационных технологий, стало повышение степени их мобильности (снижается степень

физической привязки точек доступа к сети), а равно степень проникновения онлайн технологий в традиционные офлайн отношения. В таких условиях вопрос встает уже не о поиске юридических конструкций, которые бы позволили эффективно регламентировать отдельные особенности регулируемых соответствующей отраслью права общественных отношений, частично протекающих в киберпространстве (или отягощенных существенными информационными элементами), а о полной трансформации самих таких регулируемых общественных отношений, а значит и внутренней организации соответствующей новым вызовам системы права.

Библиографический список:

1. *Шаханова О. И.* Влияние информационно-коммуникационных технологий на рынок трудовых ресурсов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 3.
2. *Гебриаль В. Н.* Социальные аспекты феномена дистанционной работы как нового вида трудовых отношений // Государственное управление. 2008. № 17.
3. *Киселев И. Я.* Сравнительное трудовое право. М., 2005.
4. *Либо М. Г., Кошелева С. В.* Телеработа как новая форма управления персоналом в организациях виртуального типа // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Сер. 8. Выпуск 3 (№ 24).

5. *Хасанова Ю. В.* Фриланс: предпосылки для трансформации условий труда // Наука и общество. 2012. № 1.

6. *Абсалямова С. Г.* Изменения в содержании труда и трудовых отношений в постиндустриальном обществе // Экономический вестник Республики Татарстан. 2013. № 2.

7. *Либо М. Г.* Концепция телеработы как новая форма управления персоналом в организациях виртуального типа в России: Дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2003.

8. *Потуданская В. Ф., Мокрецова А. В.* Классификация нестандартных форм занятости // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 1.

9. *Алимова Н. К.* Развитие нетипичных видов занятости для устойчивого инновационного развития страны // Международный журнал. Устойчивое развитие: наука и практика. 2011. № 2.

10. *Мерко А. И.* Виртуальная занятость как инструмент преодоления кризисных явлений на российском рынке // Вестник Омского университета. Серия: «Экономика». 2010. № 2.

11. *Юдин А. В.* Стратегия управления дистанционной формой занятости // Вестник Омского университета. Серия: «Экономика». 2012. № 4.

12. *Кашипарова Е.* Телеработа (telework), прогрессивная форма труда XXI века // Социосфера. 2012. № 4.

13. *Ангинашвили Л. Г.* Виртуальные предприятия: становление, сущность и преимущества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Экономика». 2011. № 2.

14. *Колтынюк Б. А., Вольфсон М. Б.* Электронный бизнес и электронные предприятия в постиндустриальной экономике // Проблемы современной экономики. 2012. № 2.

15. *Паринов С. И.* Экономика в информационном обществе // Информационное общество. 1999. № 2.

16. *Singe I., Croucher R.* The management of trust-based working time in Germany // Personnel rev. Bradford, 2003. Vol. 32, № 4.

17. *Harris L.* Home-based teleworking and the employment relationship. Managerial challenges and dilemmas // Personnel rev. Bradford, 2003. Vol. 32, № 4.

18. *Морозов П. Е.* Флексибилизация трудового права зарубежных стран // Бизнес в законе. 2011. № 4.

19. *Скрыль Т. В.* Информационный сектор экономики: формирование и специфика в российских условиях: Автореф. ... дис. канд. экон. наук. М., 2009.

20. *Желтов О. Б., Сошникова Т. А.* Трудовое право России: Учебное пособие. М.: Изд-во Эксмо, 2005.

21. *Бондаренко Э. Н.* Трудовой договор как основание возникновения трудового правоотношения. СПб., 2004.

22. *Лушникова М. В., Лушников А. М., Тарусин Н. Н.* Единство частных и публичных начал в правовом регулировании трудовых, социально-обеспечительных и семейных отношений (сравнительно-правовое исследование). Ярославль: Издательство Ярославского госуниверситета, 2001.

23. *Юдельсон К. С.* Судебные доказательства и

практика их использования в советском гражданском процессе. М., 1978.

24. *Муродьян Э.* Машинный документ как доказательство в гражданском процессе // Советская юстиция. 1975. № 22.

25. *Коломыцев В. И.* Письменные доказательства по гражданским делам. М., 1978.

26. *Венгеров А. Б., Муродьян Э. М., Фалькович М. С.* ЭВМ и договорные отношения в народном хозяйстве // Советское государство и право. 1980. № 7.

27. *Friedman B. M.* The Future of Monetary Policy: the Central Bank as an Army With Only a Signal Corps? *International Finance*. 1999. November. Vol. 2.

28. *Топорнин Б. Н.* Доклад на Всероссийской научной конференции «Российское государство и право на рубеже тысячелетий» // Государство и право. 2000. № 7.

ПРАВО И СРЕДА

О. Ю. КРИВОНОСОВА

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доцент кафедры экологического и природоресурсного права, кандидат юридических наук (123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; тел.: (495) 244-88-90)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАНЫ РЕДКИХ И ИСЧЕЗАЮЩИХ ВИДОВ ЖИВОТНЫХ НА ПРИМЕРЕ АМУРСКОГО ТИГРА (МЕЖДУНАРОДНОЕ И РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО)

Ключевые слова: редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных; стратегия сохранения; амурский тигр; биологическое разнообразие; трансграничные особо охраняемые природные территории

Аннотация. В статье анализируются нормативные правовые акты, устанавливающие правовое регулирование охраны исчезающих видов животных, в том числе определяющие стратегию сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных в Российской Федерации и основные направления ее реализации. В частности, проанализированы нормы, определяющие правовую

охрану амурского тигра – вида, находящегося под угрозой исчезновения, включая международные правовые акты и национальное законодательство.

На международном уровне основные направления сохранения видового разнообразия, включая редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных, растений и грибов, определены положениями Конвенции о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.)¹ В соответствии со ст. 1 целями названной Конвенции, являются сохранение биологического разнообразия, устойчивое использование его компонентов и совместное получение на справедливой и равной основе выгод, связанных с использованием генетических ресурсов, в том числе путем предоставления необходимого доступа к генетическим ресурсам и путем надлежащей передачи соответствующих технологий с учетом всех прав на такие ресурсы и технологии, а также путем должного финансирования.

Ст. 6 Конвенции предусмотрено, что каждая Договаривающаяся Сторона в соответствии с ее конкретными условиями и возможностями: разрабатывает национальные стратегии, планы или программы сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия или адаптирует с этой целью существующие стратегии, планы или программы, которые отражают, в частности, изложенные в настоящей Конвенции меры; предусмат-

---

¹ Ратифицирована Федеральным законом от 17 февраля 1995 г. № 16-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 8. Ст. 601.

ривает, насколько это возможно и целесообразно, меры по сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия в соответствующих планах, программах и политике.

Следует отметить, что правовую основу сохранения и восстановления редких и находящихся под угрозой исчезновения видов составляют и иные международные природоохранные конвенции и соглашения, в том числе двухсторонние соглашения, а также национальное законодательство.

Нормы национального законодательства по охране и использованию объектов животного мира, включая редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды, и среды их обитания содержатся в ряде федеральных законов: «Об охране окружающей среды»¹, «О животном мире»², «Об особо охраняемых природных территориях»³, а также в законодательных актах иных отраслей права (гражданское, уголовное, административное законодательство). Целый ряд подзаконных актов детализирует нормы названных федеральных законов.

Кроме того, положения Конвенции нашли свое продолжение в Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденных

---

¹ Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

² Федеральный закон от 24.04.1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

³ Федеральный закон от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // СЗ РФ. 1995. № 12. Ст. 1024.

Президентом Российской Федерации¹ от 30 апреля 2012 г., в Экологической доктрине Российской Федерации², а также в Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 г.³ (далее – Стратегия). Положения Стратегии определяют цели, задачи и основные направления государственной политики и деятельности в области сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов, необходимые для повышения эффективности государственного управления в этой области. Разработаны и осуществляются стратегии сохранения отдельных редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных – амурского тигра, дальневосточного леопарда, снежного барса, белого медведя и др.⁴

---

¹ Документ опубликован не был. СПС «Консультант-Плюс».

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.08.2002 г. № 1225-р // СЗ РФ. 2002. № 36. Ст. 3510.

³ Распоряжение Правительства РФ от 17.02.2014 г. № 212-р «Об утверждении Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года».

⁴ Распоряжение Минприроды России от 19.11.2013 г. № 29-р «О Стратегии сохранения дальневосточного леопарда в Российской Федерации»; Распоряжение Минприроды России от 05.07.2010 г. № 26-р «О Стратегии сохранения белого медведя в Российской Федерации»; Распоряжение Минприроды России от 02.07.2010 г. № 25-р «О Стратегии сохранения амурского тигра в Российской Федерации»; Распоряжение МПР РФ от 24.03.2008 г. № 9-р «О

В Стратегии определено, что основными принципами сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов являются: видовой принцип, основанный на сохранении численности и ареалов видов (подвидов); популяционный принцип, основанный на сохранении или восстановлении численности и ареалов природных популяций, достаточных для их устойчивого существования; организменный принцип, основанный на сохранении отдельных особей, обеспечении их воспроизводства и сохранении генотипов. Также отмечается, что система особо охраняемых природных территорий федерального, регионального и местного значения в Российской Федерации создала необходимую основу сохранения ключевых местообитаний редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов, а также институциональную среду для развития научных исследований и целевых эколого-просветительских программ.

Одной из мер сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов Стратегия называет совершенствование нормативного правового регулирования в данной сфере.

Рассмотрим правовое регулирование сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов на примере амурского тигра.

Амурский тигр (*Panthera tigris altaica*) – самый северный подвид тигра, наиболее крупный пред-

---

Стратегии сохранения сахалинской кабарги в России». Документы опубликованы не были. СПС «Консультант-Плюс».

ставитель семейства Кошачьих (Felidae). Благодаря предпринятым во второй половине XX века и особенно в 1993–2003 гг. мерам амурскому тигру уже не грозит быстрое вымирание. Тем не менее, вызванное деятельностью человека продолжающееся разрушение мест обитания, браконьерская добыча и нелегальный оборот тигров, частей его тела и дериватов вызывают серьезные опасения за судьбу данного подвида. На Дальнем Востоке – в Приморском крае и южной части Хабаровского края в настоящее время обитает 95% всей популяции амурского тигра. Российская Федерация в связи с этим несет основную ответственность за сохранение этого крупного хищника.

Следует отметить, что России принадлежит приоритет в создании законодательной базы для охраны амурского тигра. В 1947 г. был введен полный запрет на охоту на амурского тигра, в 1978 г. амурский тигр был занесен в Красную книгу СССР в качестве редкого подвида, а в 1997 г. – в Красную книгу Российской Федерации, ему присвоена 2-я категория – редкий, сокращающийся в численности подвид, который при дальнейшем воздействии неблагоприятных факторов может попасть в категорию находящихся под угрозой исчезновения. Также амурский тигр был занесен в Красные книги четырех субъектов Российской Федерации: Приморского края, Хабаровского края, Амурской области, Еврейской автономной области.

Кроме того, амурский тигр как подвид, находящийся под угрозой исчезновения, занесен в Красный список МСОП в категории VU A3c: уязвимый таксон, чья численность в течение трех поколений

(45 лет) сократится на 30% в связи с сокращением жизненного пространства и снижением качества местообитаний.

Правовую основу сохранения и восстановления редких и находящихся под угрозой исчезновения видов, к которым относится и амурский тигр, составляют международные природоохранные конвенции и соглашения, двухсторонние соглашения (в данном случае между Россией и Китаем), а также национальное законодательство.

Конвенция о биологическом разнообразии предусматривает, что основным условием сохранения биологического разнообразия является сохранение *in situ* экосистем и естественных мест обитания, поддержание и восстановление жизнеспособных популяций видов в их естественных условиях, а также в целях дополнения имеет важное значение принятие мер *ex situ*, предпочтительно в стране происхождения. В соответствии со ст. 8 названной Конвенции каждая договаривавшаяся сторона в ряду других мер разрабатывает или осуществляет необходимые законодательные нормы и/или другие регулирующие положения для охраны находящихся в опасности видов и популяций (пункт к). В целях обеспечения выполнения обязательств Российской Стороны, вытекающих из данной Конвенции, и сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов диких животных и растений на территориях Приморского и Хабаровского краев, в том числе амурского тигра, было принято постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 1995 г. № 795 «О сохранении амурского тигра и других редких и

находящихся под угрозой исчезновения видов диких животных и растений на территории Приморского и Хабаровского краев»¹, а постановлением Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. № 843 утверждена Федеральная целевая программа "Сохранение амурского тигра"².

В соответствии с Конвенцией о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (CITES) (Вашингтон, 3 марта 1973 г.)³ Амурский тигр включен в Приложение I CITES, это обеспечивает строгое регулирование его экспорта и импорта в коммерческих целях. В целях обеспечения выполнения обязательств Российской Федерации, вытекающих из Конвенции, Правительство Российской Федерации постановлением от 04 мая 2008 г. № 337⁴ установило, что вывоз с территории Российской Федерации и ввоз на ее территорию видов дикой фауны и флоры, находящихся под угрозой исчезновения, их частей или дериватов, подпадающих

---

¹ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3393.

² СЗ РФ. 1997. № 28. Ст. 3452, утр. силу в связи с изд. Постановления Правительства РФ от 07.12.2001 г. № 860 // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. II). Ст. 4973.

³ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII. М., 1978. С. 549–562.

⁴ «О мерах по обеспечению выполнения обязательств Российской Федерации, вытекающих из Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 г., в отношении видов дикой фауны и флоры, находящихся под угрозой исчезновения, кроме осетровых видов рыб» // СЗ РФ. 2008. № 19. Ст. 2175.

под действие Конвенции, допускается в разрешительном порядке. Также Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 304¹ утверждены Правила, которые определяют порядок использования на территории Российской Федерации подпадающих под действие Конвенции безвозмездно изъятых или конфискованных и обращенных в собственность государства диких животных и растений, их частей или производимой из них продукции.

Оборот объектов животного мира, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, в том числе амурского тигра), регулируется постановлением Правительства Российской Федерации от 19 февраля 1996 г. № 156². Оборот амурских тигров допускается только на основании разрешения, выдаваемого Росприроднадзором в порядке, установленном Административным регламентом³.

---

¹ «Об утверждении Правил использования безвозмездно изъятых или конфискованных диких животных и растений, их частей или дериватов, подпадающих под действие Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 г.» // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2168.

² «О Порядке выдачи разрешений (распорядительных лицензий) на оборот диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 9. Ст. 807.

³ Административный регламент Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по исполнению государственной функции по выдаче разрешений (распорядительных лицензий) на оборот диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Рос-

Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об охране тигра (Пекин, 10 ноября 1997 г.)¹ предусматривает, что Стороны будут принимать совместные меры по пресечению браконьерства, контрабанды и торговли тигром, любыми частями тела тигра, а также его дериватами. Для достижения этой цели будут осуществлять национальные и международные информационно-пропагандистские мероприятия. Стороны разработают программы обмена специалистами, также будут осуществлять обмен информацией о принимаемых мерах по пресечению всех видов незаконных действий в отношении тигра, любых частей тела тигра, а также его дериватов, будут периодически обобщать и анализировать результаты осуществления мер, совместно принимаемых ими для сохранения тигра.

Для обеспечения охраны и использования животного мира, сохранения и восстановления среды его обитания Федеральный закон «О животном мире»² установил необходимость осуществления государственного учета объектов животного, проведения государственного мониторинга объектов животного мира, а также реализации государ-

---

сией Федерации, утвержденном приказом МПР России от 15 января 2008 г. № 4 (зарегистрирован Минюстом России 13 февраля 2008 г., регистрационный № 11154) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 26.

¹ Бюллетень международных договоров. 2003. № 11. С. 15–16.

² Федеральный закон от 24.04.1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

ственных программ по охране объектов животного мира и среды их обитания.

Федеральная целевая программа «Сохранение амурского тигра» 1997 г. основывалась на положениях первой Стратегии сохранения амурского тигра в России, которая была утверждена Министром охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации 24 июня 1996 г. Цели, намеченные в данных документах, были достигнуты. Учет 2005 г. показал, что в начале нового века поголовье хищника стабилизировалось и составляет 428–502 особи (из них 97–109 тигрят), в том числе на территории Хабаровского края 71–77 особей, Приморского края – 357–425 особей. По сравнению с 1990-ми гг. ситуация с состоянием популяции амурского тигра изменилась, изменились и социально-экономические условия в России, что потребовало разработки новой Стратегии сохранения амурского тигра в Российской Федерации¹.

В данном документе особое внимание уделено решению следующих вопросов: расширение комплекса мер по эффективной охране амурского тигра, его местообитаний и кормовых объектов, т. е. комплекс мер не ограничивается лишь мерами по охране самих тигров.

Стратегия предусматривает совершенствование нормативной правовой базы. Следует отметить, что некоторые намеченные меры уже реализованы.

---

¹ Распоряжение Минприроды России от 02.07.2010 г. № 25-р «О Стратегии сохранения амурского тигра в Российской Федерации» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

Так, внесены изменения и дополнения в Уголовный кодекс РФ (УК РФ)¹ и в КоАП РФ². В частности, усилена административная ответственность за уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, в том числе амурского тигра, путем внесения изменений в ст. 8.35 КоАП. УК РФ дополнен ст. 258.1, предусматривающей ответственность за добычу и оборот особо ценных диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ, к которым относится и амурский тигр. Также ст. 226.1 УК РФ дополнена положениями, предусматривающими ответственность за контрабанду особо ценных диких животных.

Для повышения эффективности природоохранного законодательства и правоприменительной практики в области сохранения амурского тигра среди иных правовых мер предусмотрено:

– внести изменения и дополнения в целый ряд нормативных правовых актов, предусматривающие сохранение лесных насаждений в местах обитания амурского тигра;

– внести изменения в нормативы и нормы изъятия охотничьих ресурсов, учитывающие необходимость поддержания стабильных популяций кормовых объектов амурского тигра;

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

– внести в Федеральный закон «Об экологической экспертизе»¹ изменения и дополнения, предусматривающие, что проектная документация любых объектов капитального строительства в местах обитания амурского тигра должна проходить государственную экологическую экспертизу.

Меры по сохранению амурского тигра, в том числе и правовые, дают свой результат. В январе – феврале 2015 г. прошла большая перепись (сплошной учет) амурского тигра, обитающего на территории Российской Федерации, который проводится раз в десять лет. Результат показал, что в России обитают от 480 до 540 амурских тигров. В том числе в Приморском крае – 310–330 взрослых особей и 70–85 тигрят, в Хабаровском крае – 80–95 взрослых тигров и 20–30 детенышей, в Еврейской автономной области – четыре взрослых особи, в Амурской области – два взрослых тигра².

В международный день тигра, который с 2010 г. ежегодно отмечается 29 июля, глава Минприроды России Сергей Донской сообщил, что численность популяции амурского тигра за последние десять лет выросла на 15% и имеет тенденцию к дальнейшему росту. «При условии сохранения мест обитания тигра и обеспечения достаточной кормовой базы, мы можем увеличить популяцию амур-

---

¹ Федеральный закон от 23.11.1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.

² Официальный сайт Минприроды России: www.mnr.gov.ru

ского тигра в России по меньшей мере до 700 особей»¹.

Следует отметить, что Россия является единственной страной, где численность тигров значительно выросла с середины XX века и остается стабильной последние 10 лет. В целом по миру за последние сто лет численность этих хищников сократилась на 97% – со 100 тыс. до 3,9 тыс. особей. Однако совместные усилия стран, на территории которых обитают эти животные, в последние годы принесли долгожданные плоды: численность тигров в дикой природе выросла с 3,2 тыс. в 2010 г. до почти 3,9 тыс. особей в 2015 г.²

Приведенная статистика подтверждает, что необходимо усиление международного сотрудничества в области сохранения и изучения амурского тигра в современных условиях. Это определяется комплексом причин, в первую очередь антропогенными воздействиями, имеющими трансграничный характер. Межгосударственное сотрудничество в данной области – как внутри региона, так и вне его – целесообразно развивать по следующим направлениям: участие в «Глобальной инициативе по сохранению тигров» (The Global Tiger Initiative, GTI), провозглашенной Всемирным Банком; продолжение сотрудничества в области управления содержащимися в неволе популяциями амурских тигров в рамках Европейской программы размно-

---

¹ Пресс-служба Минприроды России (опубликовано 27.06.2016 г.) // Официальный сайт Минприроды России: www.mnr.gov.ru

² Официальный сайт Минприроды России: www.mnr.gov.ru

жения Европейской ассоциации зоопарков и аквариумов (EAZA); и др.

Изучение правовых мер по охране амурского тигра и результатов такой охраны показало совершенствование правового регулирования в сфере сохранения редких и исчезающих видов животных дает положительный результат. Поэтому одним из основных направлений государственной политики в сфере сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Стратегии называется совершенствование законодательства Российской Федерации для обеспечения сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов и их местообитаний.

Новая редакция Плана¹ мероприятий по реализации Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 г. (I этап (2014–2017 гг.))² в п. 1 предусматривает внесение изменений в Федеральный закон «О животном мире» в части уточнения полномочий Правительства Российской Федерации в

---

¹ Распоряжение Минприроды России от 16.03.2016 г. № 6-р «О внесении изменений в распоряжение Минприроды России» от 01.12.2014 г. № 33-р. Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

² Распоряжение Минприроды России от 01.12.2014 г. № 33-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года (I этап (2014–2017 гг.))» Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

области охраны диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации.

Кроме того, Планом предполагается внесение изменений в отдельные нормативные правовые акты Российской Федерации в части определения порядка интродукции чужеродных видов и контроля за его соблюдением в целях повышения эффективности существующей системы охраны животного мира и среды его обитания.

Важнейшим этапом, намеченным на ближайшие два года, станет подготовка и принятие нормативного правового акта, направленного на обеспечение соблюдения законодательства Российской Федерации, регулирующего оборот на территории Российской Федерации объектов животного и растительного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации и подпадающих под действие Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС).

Создание правового механизма функционирования института общественных инспекторов по охране животного мира и наделения их рядом надзорных полномочий предусмотрено уже в этом году.

Примечательно, что еще до принятия Стратегии в 2013 г.¹ были внесены изменения и дополнения в

---

¹ Федеральный закон от 02.07.2013 г. № 150-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3442.

Уголовный кодекс РФ (УК РФ)¹ и в КоАП РФ². Практика показывает, что принятых мер не достаточно, поэтому План вновь предусматривает усиление ответственности, в частности уголовной.

Другими разделами Плана предусмотрено совершенствование государственного управления и государственного надзора в сфере охраны и использования объектов животного мира, что также потребует внесения изменений в отдельные нормативные правовые акты. Например, передача функций по ведению Красной книги Российской Федерации от Росприроднадзора в Минприроды России уже реализована³; подготовка проектов соглашений о межведомственном взаимодействии и обмене информацией по вопросам сохранения редких видов между Минприроды России и ФАНО России; между Минприроды России и МВД России; между Минприроды России и ФТС России; между Минприроды России и Росрыболовством; создание федерального информационно-аналитического центра учета, мониторинга и кадастра редких видов на базе подведомственных учреждений Минприроды России и др.

Также намечена разработка (актуализация) и утверждение стратегий сохранения редких видов, в

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

³ Приказ Минприроды РФ от 23.05.2016 г. № 306 «Об утверждении Порядка ведения Красной книги Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 35.

том числе: зубра; сайгака; дальневосточного аиста; стерха; архара; дзерена; степного орла; кречета; сапсана; дрофы; японского журавля.

Важнейшим направлением реализации Стратегии является развитие международного сотрудничества, в том числе участие в многостороннем и двухстороннем международном сотрудничестве по вопросам охраны редких видов и среды их обитания, в частности подготовка проектов соглашений о создании трансграничных ООПТ, значимых для сохранения редких видов: между Российской Федерацией и Республикой Абхазия; между Российской Федерацией и Монголией; между Российской Федерацией и КНР.

Все предусмотренные меры потребуют проведения дальнейшего правового анализа действующего законодательства РФ и законодательства зарубежных стран в сфере сохранения редких и исчезающих видов животных, а также практики его применения, что может стать темой дальнейшего исследования.

Библиографический список:

1. *Кривоносова О. Ю.* Правовая охрана исчезающих видов животных и растений (международное и российское законодательство) // «Кутафинские чтения»: Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции: Круглый стол «Современные проблемы гармонизации экологического и природоресурсного права»: Сборник докладов VI Международной научно-практической конференции. М., 2014.

2. *Кривоносова О. Ю.* Новые направления реализации Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года (правовой аспект) // «Кутафинские чтения»: Стратегия национального развития и задачи российской юридической науки: Сборник докладов Международной научно-практической конференции. М., 2016.

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, АННОТАЦИИ
И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

V. N. MONAKHOV

*Institute of State and Law of the Russian Academy of
Sciences*

**FREEDOM OF MASS INFORMATION
IN THE GLOBAL INFORMATION SOCIETY.
SOME FEATURES OF IMPLEMENTATION
AND REGULATION**

Keywords: freedom of mass information; freedom of information; global information society; law; ethics; regulation; restrictions; responsibility

Annotation. The article reveals the concept, social role and importance of one of the most significant freedoms of the emerging global information society of the 21st century - freedom of mass information. A number of issues and problems arising in the development of ethical and legal protection of this freedom are analyzed. The author formulates and justifies the proposals containing the appropriate legal and legal doctrinal and legislative innovations designed to respond adequately to the challenges of the global information society.

A. F. RENKEL

Journal of Intellectual Property

INNOVATION PLACEBO EFFECT

Keywords: patent science; patent law; knowledge economy; placebo; arbitrage practice; production manager

Annotation. Patenting is an integrated interdisciplinary science of methods and means of detection, protection with the legal consequences, of industrial property. Bourgeois patent-licensing and the exclusive right of the patent holders to inventions was being developed and used for 105 years (1812–1917). It was replaced by the Soviet invention (1919–1991), and the state became the legal owner of the inventions. Today patent rights have been restored, but even the generators of ideas do not bother to learn the tricks of inventing. Of course, it causes the “anti-patent controversy” and patentofobiya.

N. N. DOVNAR

Belarusian State University

SAFE OPERATION OF MEDIA IN THE INTERNATIONAL INFORMATIONAL SECURITY

Keywords: globalization; international informational security; threats; informational security of the activities of media

Abstract. The article examines the concept of “international informational security”. Based on the comparative analysis of international agreements, doctrinal and conceptual documents the main threats in the information sphere are identified; the necessity of common approach to the terminological apparatus in the documents relating to information security is justified, attention to the concept of informational security activities of the media in the context of international information security is drawn.

M. I. GRISHCHENKO

Baltic Federal University named after I. Kant

**APPLICATION OF THE MEDIATION
PROCEDURE IN THE CONSIDERATION
OF DISPUTES ON ISSUES
OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS.
CIVIL-LAW AND FORENSIC ASPECTS**

Keywords: mediation; objects of intellectual property rights; reconciliation of the parties; civil litigation; settlement agreement

Abstract. This article analyzes the current legislation is the protection of intellectual property rights of citizens and legal persons. As part of the legal and scientific analysis of Russian law, international law, jurisprudence and scientific foundations, in coupe and the institution of protection of intellectual copyright to institotom mediation proposed to introduce in the

framework of the enforcement mechanisms of reconciliation with the participation of intermediaries – mediators. This is dictated by the increased role of humanistic social relations, reducing the degree of aggressiveness, as well as the introduction of restorative justice proceedings institutions and various non-judicial forms of conflict resolution. Implementation of the principles of expediency, restorative justice and non-judicial forms of resolving legal conflicts possible in the framework of various social relations and institutions, both civil law and procedure, and criminal law and procedure. A special role in the development of the protection of intellectual property rights, as well as preventive measures against illegal use of copyright are reconciliation mechanisms with the participation of intermediaries. In particular, this article discusses how civil and criminal legal relations in the sphere of realization and protection of intellectual property rights. The paper gives a general description of dispute resolution mechanisms for the objects of intellectual property rights by using mediation. Disclosed mediation procedure in the aspect of its enforcement in a number of foreign countries, as well as the possibility of its use in the modern Russian law enforcement. Analyzed the norms of civil, criminal and procedural law, within the framework of the protection of intellectual property rights. In addition, with the characteristics of forms of mediation procedures, and reviewed the tactical aspects of their application.

D. S. MILINCHUK

National Research University “Higher School of Economics”

**COLLISION METHOD
OF LEGAL REGULATION:
“TO BE OR NOT TO BE”?**

Keywords: conflict of laws; collision method of legal regulation; collision law; loophole of the law; rivals in law; implementation; interpretation of laws; elimination of conflict of laws; overcoming of conflict of law; method of legal regulation; legislation improvement; model law; analogy of common law; analogy of law; branch of law; interbranch institute

Abstract. Conflicts of law are in any legal system. There are no any contemporary legislation system without collision between rules of law, which regulate the same legal relation. In this article conflict of laws is explored as a legal regulation method. There is no single answer, where conflict of laws is placed in system of Russian law. That’s why it is researched by us as a special method of legal regulation. The main ways of elimination and overcoming of conflict of laws is researched in the article. And there is an attempt to group them as a uniform method of legal regulation in the one.

A. A. TEDEEV

National Research University "Higher School of Economics"

**TRANSFORMATION OF THE SYSTEM
OF LAW IN CONDITIONS
OF DEVELOPMENT INFORMATION
AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES:
PROBLEM STATEMENT**

Keywords: system of law; development; Information and telecommunication technologies; problem

Annotation. The issues of changing the internal structure of law, the development of the system of law and the system of legislation conditioned by information progress and rapid renewal of information and communication technologies, have in recent years reached the front line of the research.

O.Y. KRIVONOSOVA

Moscow State University of Law named after O. E. Kutafin

**IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION
OF RARE PROTECTION AND THE
DISAPPEARING SPECIES OF ANIMALS
ON THE EXAMPLE OF THE AMUR TIGER
(INTERNATIONAL AND RUSSIAN
LEGISLATION)**

Keywords: rare and endangered species of animals; Conservation strategy; Amur tiger; Biological diversity; Transboundary specially protected natural territories

Annotation. The article analyzes normative legal acts establishing the legal regulation of the protection of endangered species of animals, including those that determine the strategy for the conservation of rare and endangered species of animals in the Russian Federation and the main directions for its implementation. In particular, the norms defining the legal protection of the Amur tiger - a species that is endangered, including international legal acts and national legislation - are analyzed.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

– журнал публикует материалы (научные статьи, научные обзоры, научные рецензии и отзывы) по фундаментальным и прикладным проблемам авторского права, информационного права, права интеллектуальной собственности;

– все представленные к публикации материалы в обязательном порядке проходят научное рецензирование с целью их экспертной оценки. Рецензентами выступают признанные специалисты (члены редакционной коллегии журнала и сторонние эксперты) по тематике рецензируемых материалов, имеющие в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензия хранится в издательстве и в редакции в течение пяти лет;

– в журнале печатаются материалы, ранее не опубликованные и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях; автор может опубликовать в одном номере журнала не более одного материала; все материалы проверяются на наличие плагиата;

– плата за публикацию материалов не взимается; авторам гонорар не выплачивается;

– элементы издательского оформления материалов включают: сведения об авторах; заглавие материала; подзаголовочные данные; аннотацию (на русском и английском языке); ключевые слова (на русском и английском языке); приложения; обязательный пристатейный библиографический список, оформлен-

ный в соответствии с правилами журнала; допускается использовать дополнительные элементы издательского оформления; представляются также на английском языке: название статьи, аннотация, ключевые слова, фамилия, имя, отчество автора(ов); отдельно необходимо указать контактный телефон и адрес электронной почты для оперативной связи, адрес с индексом для отправки номера журнала. При опубликовании научной статьи на русском языке обязательным является наличие ключевых слов и аннотации на русском и английском языках, при опубликовании научной статьи на иностранном языке, обязательным является наличие ключевых слов и аннотации на русском и иностранном языках;

- объем материала не должен превышать 1 п. л. (40 000 знаков);

- редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса;

- электронные носители и рукописи авторам не возвращаются;

- аннотации материалов, ключевые слова, информация об авторах будут находиться в свободном доступе на сайте Кафедры, в системах цитирования на русском и английском языках после выхода журнала; через год после выхода номера журнала его полнотекстовая версия будет размещена на сайте Кафедры.

Полный текст Правил представления рукописей авторами размещен на сайте www.unescochair.ru

Учредитель и издатель:
АНО «Творческий центр ЮНЕСКО»
117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая,
д. 55А, каб. 112.

Адрес редакции: 117279, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 55А, каб. 112.

Почтовый адрес: 123022, г. Москва,
Б. Трехсвятительский пер., д. 3, каб. 436,
Кафедра ЮНЕСКО

www.unescochair.ru
unesco.chair.copyright@mtu-net.ru

Подписано в печать 28.03.2016 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Печать офсетная.

Объем 10,5 п. л.

Тираж 300 экз. Заказ 41.

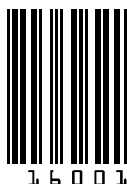
Отпечатано в типографии НОУ «ПМБ ЕГУ».
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Свободная цена.

ISSN 2225347-5

9 77225 347000

1 6 0 1